

ГОЛОДНЫЕ ИГРЫ

СЬЮЗЕН КОЛЛИНЗ

И ВСПЫХНЕТ ПЛАМЯ

ДА ПРЕБУДЕТ С ТОБОЙ УДАЧА

Голодные игры

Сьюзен Коллинз

И вспыхнет пламя

«АСТ»

2009

Коллинз С.

И вспыхнет пламя / С. Коллинз — «АСТ», 2009 — (Голодные игры)

ISBN 978-5-17-070916-8

Продолжение романа «Голодные игры», ставшего международным бестселлером. Китнисс и Пит выжили в страшных Голодных играх, заставили признать победителями их обоих. Но многие из тех, кому не нравится победа, считают парня и девушку опасными. У этих людей хватает силы и власти, чтобы с легкостью убить и Пита, и Китнисс. Но никому не под силу их разъединить. Теперь все подстроено так, что Пит и Китнисс вынуждены вернуться на очередной тур Голодных игр. Они снова окажутся лицом к лицу со смертью – ради своей любви, своего будущего, своей надежды на счастье.

ISBN 978-5-17-070916-8

© Коллинз С., 2009

© АСТ, 2009

Содержание

Часть I	5
1	5
2	12
3	17
4	24
5	32
6	37
7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Сьюзен Коллинз

И вспыхнет пламя

*Моим родителям Джейн и Майклу Коллинз
и родителям мужа Дикси и Чарлзу Прайор*

Часть I

Искра

1

Мои руки крепко сжимают флягу, хотя чай давно уже отдал свое тепло морозному воздуху. Все мышцы напряжены от холода. Если нагрянет стая диких собак, не уверена, что я смогу забраться на дерево. Надо бы встать и размять затекшее тело. Но я продолжаю сидеть, неподвижная, точно скала под ногами, наблюдая, как в лес проникают лучи рассвета. Солнце не остановишь, увы. Оно волей-неволей тащит меня за собой в этот день, которого я страшилась несколько месяцев.

К обеду они уже соберутся в моем новом доме, в Деревне победителей. Репортеры, телевизионщики, даже Эффи Бряк, мой прежний сопровождающий, – и та доберется в Дистрикт номер двенадцать из Капитолия (интересно, она до сих пор носит дурацкий розовый парик или на этот раз, в честь тура победителей, вздумает щеголять каким-нибудь новым оттенком, неизвестным в природе?). Будет и много других. Железнодорожный персонал, которому предстоит удовлетворять все мои нужды в течение долгого путешествия. Команда помощников, которые будут готовить меня к выходам на публику. Цинна, мой друг и стилист. Это он создал роскошный наряд, впервые приковавший ко мне всеобщее внимание во время Голодных игр.

Будь моя воля – забыла бы эти Игры навеки. Никогда бы не заговаривала о них. Притворилась бы, что это был страшный сон, и не более. Но тур победителей ни о чем не позволит забыть. Капитолий нарочно проводит его примерно посередине между сезонами, чтобы освежить у людей чувство ужаса. Нам, жителям дистриктов, не просто напоминают о том, как страшна железная хватка столицы, – нас вынуждают публично этому радоваться. В этом году я «звезда» представления. Меня провезут от дистрикта к дистрикту, и в каждом придется стоять перед ликующими зрителями, ощущая их затаенную ненависть, и смотреть со сцены в глаза людей, чьи родные убиты моей рукой...

Солнце неумолимо встает, и я заставляю себя подняться. Суставы болезненно ноют. Левая нога затекла так сильно, что «оживает» лишь через несколько минут усиленной ходьбы. Я три часа провела в лесу, но даже не попыталась всерьез поохотиться. Сумка для добычи пуста. Ни маму, ни мою младшую сестренку Прим это уже не затронет, они теперь могут позволить себе покупать в городской мясной лавке что пожелают, хотя, конечно, вкус лучше всего именно у свежей дичи. А вот Гейл Хоторн и его семья целиком зависят от этой охоты. Нельзя их подвести. И я пускаюсь в дорогу. Еще полтора часа проверять ловушки. В школьные времена мы успевали после полудня и пройтись по капканам, и поохотиться, и вернуться с добычей в город, чтобы выручить за нее деньги. Теперь, когда Гейл работает в угольных шахтах, а у меня не осталось других занятий, вся работа на мне.

Гейл уже наверняка спустился на вызывающем тошноту подъемнике в бездну и вгрызается в угольный пласт. Я знаю, что творится там, внизу. В школе нас каждый год водили туда на

экскурсии. В раннем детстве шахта порождала у меня попросту неприятные ощущения. Тоннели навевали клаустрофобию, затхлый воздух и темнота даже не позволяли свободно вздохнуть. Но после того как взрывом убило папу и нескольких его товарищей, я с трудом заставляла себя войти в подъемник. Ежегодная экскурсия превратилась в пытку. Два раза мне уже заранее становилось так плохо, что мать принимала мой страх за начало гриппа и разрешала остаться дома.

Я начинаю думать о Гейле. Только в лесах, среди свежего воздуха и прозрачных источников, он чувствовал себя по-настоящему живым. Не знаю, как ему удастся терпеть... Впрочем, неправда, знаю. Он выдержит все, лишь бы прокормить свою мать, сестру и двоих младших братьев. В то время как я буквально сижу на мешках с деньгами, которых более чем достаточно на две семьи. Но нет, этот парень не примет в подарок даже монету. Гейл и мясо-то берет неохотно. Между тем, если бы я погибла на Играх, он, без сомнения, содержал бы и мою маму, и Прим. Постоянно ему твержу: для меня охота – желанное развлечение, чтобы не сойти с ума от безделья. И все равно я стараюсь не заставлять его дома, когда приношу добычу. Это нетрудно, ведь Гейл трудится по двенадцать часов в сутки.

Мы видимся только по воскресеньям, в лесу. Для меня и теперь это лучший день на неделе, однако что-то переменилось. Нет больше тех свободных бесед о чем пожелаешь. Игры отняли у меня даже это. Я еще слабо надеюсь, но в глубине души понимаю: все бесполезно. В прошлое нет возврата.

Сегодня у нас богатый улов: восемь кроликов, пара белок и грузный бобр, запутавшийся в проволочных силках, которые изобрел сам Гейл. Он просто гений ловушек. Всегда точно знает, как изогнуть молодое деревце, чтобы ветки не дали хищникам раньше нас добраться до жертвы; как закрепить увесистое бревно в равновесии при помощи тонких прутьев или как сплести корзину, откуда не выплыть попавшейся рыбе. После стольких лет работы с его западнями я уверена, что никогда не смогу повторить это хрупкое равновесие, не сумею почуять заранее, по какой тропе пробежит дикий зверь. Дело даже не в опыте. Это врожденный дар. Зато я стреляю без промаха и в кромешной тьме.

Но вот впереди возникает забор, окружающий Дистрикт номер двенадцать. Солнце еще высоко. Прислушиваюсь, не гудят ли от электричества звенья цепи. Тихо – как и почти всегда, хотя нас убеждают, будто бы ток бежит круглые сутки. Через прокопанный под забором лаз я попадаю на Луговину, откуда рукой подать до родного дома. Нашего старого дома. Мы сохранили его, потому что мама и Прим до сих пор здесь прописаны – и вернутся сюда в случае моей внезапной смерти. А пока что мы трое благополучно воцарились в новом жилище, в Деревне победителей. И только я возвращаюсь в эту маленькую приземистую постройку, в стенах которой выросла. Она для меня и есть настоящий дом.

Сейчас, например, там будет удобно переодеться. Сменить старую кожаную отцовскую куртку на тонкое шерстяное пальто, немного узкое в плечах, а разношенные охотничьи сапоги – на дорогие фабричные туфли, более подходящие человеку в моем положении, как считает мама. Лук и стрелы надежно спрятаны в лесу, внутри прогнившей колоды. Время не ждет, но я все-таки позволяю себе немножечко посидеть на кухне. Какой запущенной она кажется без огня в печи, без скатерти на столе... Меня часто гложет тоска по прежней жизни. Да, мы едва сводили концы с концами, зато я точно знала собственное место на замысловатом полотне под названием жизнь. Теперь, когда вспоминаешь, те времена кажутся столь надежными по сравнению с нынешним днем, когда есть и богатство, и слава, и лютая ненависть Капитолия.

От мыслей меня отвлекает жалобный вой возле черного хода, – явился Лютик, старый облезлый котяра моей сестренки. Новый дом ему так же не по душе, как и мне. Лютик удирает сюда всякий раз, стоит Прим отправиться в школу. Мы с ним никогда особенно не ладили – и вот между нами возникла странная связь. Впустив кота, я угощаю его ломтем бобрового жира и даже немного почесываю за ухом.

– Тебе говорили, какой ты уродец, а, животное?

Он тычется мордой в руку, прося еще ласки, однако нам пора в путь.

– Идем.

Я хватаю Лютика в одну руку, добычу – в другую, и тащу все за дверь. Кот изворачивается и в один скачок скрывается за кустарником.

Туфли жмут мне большие пальцы. Под ногами хрустит уголь Шлака. Несколько раз срезаю путь через переулочек или чей-нибудь задний двор, я в считанные минуты добираюсь до дома Гейла. Увидев меня в окно, его мама Хейзел отрывается от плиты, вытирает ладони о фартук и идет открывать дверь.

Мне нравится Хейзел. Эту женщину есть за что уважать. Взрыв, убивший моего папу, унес и ее мужа, оставив беременную вдову с тремя мальчишками на руках. Не прошло и недели с тех пор, как она разродилась, а Хейзел уже искала работу. Шахты – не выход, если в доме не с кем оставить младенца, однако ей удалось устроиться прачкой в городе, к одному из торговцев. Так в четырнадцать лет Гейл, старший из сыновей, сделался главным добытчиком в семье. Он уже тогда мастерски ставил ловушки, подписался на тессеры и разрешал лишний раз внести свое имя в Лотерею ради скудного годового пайка из зерна и масла. Но и этого не хватило бы на семью из пяти человек, если бы Хейзел не обдирала пальцы до костей о стиральную доску. Зимой ее красные, потрескавшиеся руки начинали кровоточить от малейшей царапины. Когда-то Хейзел и Гейл вместе решили, что ни двенадцатилетнему Рори, ни десятилетнему Вику, ни четырехлетней Позе никогда не придется вписывать свои имена для Жатвы.

При виде добычи Хейзел улыбается. Поднимает бобра за хвост.

– Тяжелый!.. Вечером потушу с овощами.

В отличие от Гейла, она принимает помощь без капли смущения.

– И мех недурной, – отзываюсь я.

Мне приятно болтать с ней о достоинствах добычи. Хейзел наливает пахучего чая из трав, и я с благодарностью грею о кружку ооченевшие пальцы.

– Знаешь, я тут подумала... Может, после тура победителей стоит время от времени брать с собой Рори? В лес, после уроков? Ему надо учиться стрелять.

Хейзел кивает.

– Хорошо. Гейл и сам собирался, но он свободен только по воскресеньям и предпочитает проводить их с тобой.

Наверное, я все-таки покраснела. Глупо, конечно. Пожалуй, никто на свете не понимает меня лучше Хейзел. Ей известно о наших с Гейлом отношениях. Думаю, очень многие ждали, что мы поженимся, хотя у меня и мысли об этом не возникало. Но то было до Голодных игр. До того как Пит Мелларк, земляк-трибут, во всеуслышание заявил, что безумно влюблен в меня. Наш роман стал ключом к выживанию на арене. Только вдруг оказалось: для Пита все было гораздо серьезнее. А для меня? Не знаю. Зато представляю, как мучился Гейл. Стоит подумать о туре победителей, когда нам с Питом вновь придется разыгрывать из себя влюбленных, и сердце сжимается.

Я допиваю чай, хотя он обжигает губы, и отодвигаюсь от стола.

– Пора идти. Надо еще навести красоту для камер.

Хейзел обнимает меня.

– Приятного ужина.

– Спасибо, – отзываюсь я.

Следующая цель – Котел, где обычно мне удавалось сбыть с рук трофеи. Много лет назад он был угольным складом, потом оказался заброшен, стал точкой подпольной торговли и наконец превратился в настоящий черный рынок. Раз уж Котел притягивает к себе людей с подпорченной репутацией, стало быть, мне тут самое место. Лесная охота в окрестностях Дистрикта

номер двенадцать нарушает, по меньшей мере, дюжину постановлений и по закону карается смертью.

Никто об этом не заговаривает, однако я – должница многих завсегдатаев Котла. Гейл рассказал, как Сальная Сэй устроила сбор пожертвований для меня и Пита во время Голодных игр. Поначалу деньги давали только в Котле, но многие люди, прослышав об этом, тоже внесли свой вклад. Не знаю точной суммы; знаю только, что эти деньги качнули чашу весов от смерти к жизни: на арене цена любого подарка достигает заоблачных высот.

До сих пор непривычно входить в Котел не с полной добычи охотничьей сумкой, а с увесистым кошельком на боку. Я стараюсь зайти почти в каждую лавку и что-нибудь приобрести: кофе, булочки, яйца, пряжу, масло... В последний момент покупаю три бутылки самогона у однорукой Риппер, жертвы несчастного случая в шахтах, у которой хватило ума прокормить себя.

Алкоголь – не для нас, а для Хеймитча. Во время Голодных игр он был нашим с Питом ментором. Угрюмый, жестокий, почти всегда пьяный, он все-таки сделал свою работу – и даже больше, поскольку впервые в истории было позволено победить двоим, а не одному оставшемуся в живых трибуну. Так что будь Хеймитч хоть кем угодно – перед ним я тоже в долгу. Пару-тройку недель назад, когда у него иссякли запасы, а в продаже не было ни бутылки, у Хеймитча началась ломка. Он трясся, орал на каких-то чудовищ, которых никто вокруг не видел, и до смерти перепугал мою Прим. Честно сказать, не очень понравилось наблюдать его в таком состоянии.

С тех пор я обзавелась привычкой пополнять запасы спиртного – просто так, на случай очередной недостачи.

Увидев меня с бутылками, глава миротворцев Крей хмурит брови. Он уже в годах, лицо у него багровое, несколько серебристых прядей волос зачесаны набок.

– Девочка, для тебя это слишком крепкое пойло.

Ему ли не знать!

– Маме потребовалось для каких-то лекарств, – пожимаю плечами я.

– Ага, этой штукой убьешь любую заразу, – бросает он и покупает бутылку за новенькую монету.

Вот и заведение Сальной Сэй. Я заставляю себя подсесть к столу и заказать миску супа, судя по виду – смеси из тыквы с бобами, и принимаюсь хлебать. Тут появляется миротворец по имени Дарий и тоже берет себе миску. Он хоть и страж порядка, но мне по душе: не тычет в нос своей властью, может при случае и пошутить. Должно быть, ему за двадцать, однако выглядит он ненамного старше меня. Даже чем-то похож на мальчишку – наверное, из-за улыбки и рыжих волос, торчащих во все стороны.

– Тебе не пора на поезд? – интересуется Дарий.

– В обед заберут, – отвечаю я.

Тогда он громко шепчет:

– Тогда, может, наведешь красоту? – и я не могу сдержать улыбки, несмотря на мрачное настроение. – Ленточку заплетешь или что-нибудь в этом роде?

Он хочет погладить мою косу, но я отстраняюсь.

– Не беспокойся. Стилисты свое дело знают.

– И хорошо, – кивает Дарий. – Покажем немного патриотической гордости за дистрикт, хотя бы для разнообразия, а, мисс Эвердин?

А потом, с насмешливым порицанием покачав головой в сторону Сальной Сэй, выходит на улицу, чтобы присоединиться к своим товарищам.

– Суп оставь! – кричит ему вслед хозяйка, однако сквозь смех ее досада звучит не очень-то убедительно.

– Гейл придет на проводы? – спрашивает она у меня.

– Нет, его не было в списке. Мы уже виделись в воскресенье.

– Думаю, он что-нибудь придумает. Как-никак твой кузен, и все такое... – с хитрецей прибавляет Сальная Сэй.

Еще одна ложь, сочиненная капитолийцами. Когда во время Голодных игр мы с Питом пробились в последнюю восьмерку, журналисты явились разнюхивать наши личные тайны; в ответ на вопрос, кто мой близкий друг, местные жители сразу назвали Гейла. Репортерам он, разумеется, пришелся не ко двору. Учитывая мой якобы страстный роман на арене, парень со столь яркой мужественной внешностью никак не вписывался в понятие «близкий друг». К тому же он вовсе не собирался улыбаться и мило вести себя перед камерами. И вот его превратили в кузена. Вообще-то между нами и вправду есть определенное сходство. Прямые темные волосы, смуглая кожа, серые глаза... Я ни о чем не догадывалась до тех самых пор, когда уже на вокзале мама не заявила: «Если б ты только знала, как тебя ждут твои кузены!» Повернувшись, я с изумлением увидела Гейла, Хейзел и других ее деток. Что оставалось делать? Только подыгрывать.

Сальной Сэй известно, что мы не родственники; а ведь кое-кто из наших давних знакомых предпочел об этом забыть.

– Жду не дождусь, когда все будет позади, – шепчу я.

– Понимаю, – кивает Сальная Сэй. – Но чтобы дождаться конца, нужно пройти начало и середину. Лучше уж не опаздывай.

По дороге я замечаю, как с неба сыплются первые редкие снежинки. Между площадью в центре города и Деревней победителей – каких-то полмили, а кажется, будто перенеслась куда-то далеко-далеко.

Здесь находится отделенная от внешнего мира община: двенадцать домов вокруг прелестной зеленой лужайки с цветущими кустиками, каждый дом – в десять раз больше того, где прошло мое детство. Девять из них пустуют. В занятых живут Хеймитч, Пит и я.

Наши с Питом дома хотя бы излучают тепло настоящей жизни. Освещенные окна, дым из трубы, букеты ярко раскрашенных колосьев, прикрепленные прямо над входом в честь приближающегося праздника урожая. А вот от логова Хеймитча, вопреки стараниям садовников, так и разит запустением и одиночеством. Я собираюсь с духом, толкаю дверь и вхожу.

Нос тут же морщится от отвращения. Хеймитч не допускает к себе уборщиц, а сам он – хозяин неважный. С годами запахи горячительных напитков и рвоты, вареной капусты и пережаренного мяса, несвежей одежды и мышиных фекалий смешались в один стойкий дух, вышибающий слезы. Шагая через залежи рваных пакетов, осколков и обглоданных костей, я направляюсь прямо на кухню – где же еще искать Хеймитча? Он за столом: руки разбросаны по столешнице, лицо тонет в луже спиртного, от яростного храпа чуть голова не отваливается.

Я толкаю его в плечо и громко приказываю:

– Вставай! – Церемониться бесполезно, это мы уже проходили.

Храп на мгновение вопросительно умолкает и тут же возобновляется с новой силой. Я толкаю сильнее.

– Хеймитч, вставай! Сегодня тур победителей.

С усилием открываю окно и несколько раз глубоко вдыхаю чистый воздух. Разворошив ногами слой мусора, обнаруживаю оловянный кофейник. Набираю в него воды из-под крана. В запасе осталась горстка углей – хватит, чтобы разжечь конфорку. Насыпав молотых зерен, так чтобы получился довольно крепкий напиток, ставлю кофейник на огонь.

Хеймитч по-прежнему напоминает труп. Раз уж не вышло по-хорошему, я наполняю таз ледяной водой, опрокидываю ему на голову и отпрыгиваю подальше. Из глотки хозяина доносится гортанное рычание дикого зверя. Вскочив, он отбрасывает от себя стул футов на десять и грозно размахивает ножом. Совсем забыла: он всегда засыпает с оружием в руке. Нужно было сначала забрать у него нож, но у меня хватало других забот.

Хеймитч сыплет ругательствами, делает еще несколько взмахов и наконец приходит в себя. Утерев лицо рукавом, поворачивается ко мне. Я застыла на корточках на подоконнике, собираясь, если что, задать стрекача.

– Ты что здесь делаешь?

– Сам велел прийти, разбудить за час до приезда телевизионщиков, – отвечаю я.

– Чего?

– Правда, сам, – не сдаюсь я.

Кажется, он вспоминает.

– Почему я весь мокрый?

– Никак не могла растолкать. Знаешь, если тебе так нужна мамочка, в следующий раз проси Пита...

– О чем меня надо просить?

От одного только звука знакомого голоса у меня в животе сжимается неприятный комок из печали, стыда и страха. И желания. Да, я почти готова признаться, хотя бы перед собой, вот только другие чувства все же сильнее.

Пит подходит к столу. Под солнечным светом, пролившимся из окна, на его белокурых волосах искрятся снежинки. Этот сильный, полный здоровья человек совсем не похож на голодного и больного юношу, которого я видела на арене. Он даже почти не прихрамывает. Опустив на стол буханку свежего теплого хлеба, Пит протягивает Хеймитчу руку.

– Разбудить меня без радикальных мер, грозящих воспалением легких, – ворчит тот, передавая нож.

Потом избавляется от грязной рубашки, продемонстрировав нам засаленную майку.

Пит улыбается, ополаскивает нож самогоном из бутылки, которую нашел на полу, и режет хлеб. Все это время он аккуратно снабжал нас горячей выпечкой. Я охочусь. Он возится с тестом. Хеймитч пьянствует. Каждый нашел чем заняться, только бы не вспоминать о Голодных играх. Уже протянув хозяину горбушку, Пит наконец обращает внимание на меня.

– Угощайся.

– Нет, я поела в Котле. Но все равно спасибо.

Голос будто бы и не мой, обезличенный. И так всякий раз, когда я пытаюсь заговорить с ним – с тех самых пор, как от нас отвернулись камеры, снимавшие благополучное возвращение победителей.

– Пожалуйста, – натянуто отвечает он.

Хеймитч наугад бросает рубашку в кучу хлама.

– Бррр. Придется здорово над вами поработать перед выступлением.

И он, разумеется, прав. Публика ожидает увидеть двух голубков, победивших в Голодных играх, а не людей, которые без усилия не могут посмотреть в глаза друг другу. Но я отвечаю только:

– Помойся, Хеймитч.

И, спрыгнув с окна, отправляюсь через лужайку к дому.

Снег уже начинает укрывать землю, и за моей спиной остается цепочка следов. У парадного входа я задерживаюсь, отряхиваю дорогие туфли, а потом вхожу. Мама целые сутки готовилась, чтобы все безупречно выглядело перед камерами. Пожалуй, лучше не следить на сияющем чистотой полу. Стоит мне появиться, как откуда-то выныривает мама и жестом просит замереть.

– Не волнуйся, уже разубаюсь, – говорю я, оставляя туфли на коврике.

Она издает непонятный хриплый смешок и снимает с моего плеча охотничью сумку с покупками.

– Подумаешь, просто снег. Хорошо погуляла?

– Погуляла? – Ей известно, что я всю ночь провела в лесу. Тут мне в глаза бросается фигура в дверном проеме. За маминой спиной стоит мужчина в идеально сшитом костюме, с подправленными ножом хирурга чертами лица. С первой секунды ясно: он из Капитолия. Что-то не так. – Правильнее сказать, покаталась. Там ужасно скользко.

– К тебе пришли, – говорит мама.

Лицо у нее совершенно бледное, в голосе слышится плохо скрываемая тревога.

– Я думала, все начнется не раньше полудня, – бросаю я, притворяясь, будто не замечаю, в каком она состоянии. – Что, Цинна пришел пораньше?

– Нет, Китнисс, это...

– Сюда, пожалуйста, мисс Эвердин, – прерывает маму капитолиец, махнув рукой в сторону коридора.

Неприятно, когда тебе начинают указывать в собственном доме, однако мне хватает ума промолчать. Перед уходом оборачиваюсь, чтобы подбодрить маму улыбкой:

– Наверное, наставления перед туром...

В последнее время меня завалили сведениями о маршруте и расписаниях запланированных в каждом дистрикте мероприятий. Но пока я шагаю к закрытым дверям кабинета, которые никогда еще не запирались, в мыслях поднимается настоящая буря: «Кто там? И что ему нужно? Чего мама так испугалась?»

– Входите, – произносит мой провожатый.

Поворот полированной медной ручки – и я внутри. В ноздри бьют два плохо совместимых запаха – роз и крови. Низкорослый мужчина с белесыми волосами, неуловимо кого-то напоминающий, молча читает книгу. Он поднимает палец, словно хочет сказать: «Подождите минутку». Затем поворачивается – и в моей груди на миг замирает сердце.

Прямо на меня змеиным взглядом уставился президент Сноу.

2

По моим представлениям, на президента нужно смотреть на фоне колонн из мрамора, увешанных гигантскими флагами. Жутковато видеть его в обрамлении привычных вещей, у себя в кабинете. Это как если бы вдруг вы открыли кастрюлю – а вместо тушеного мяса нашли ядовитую змею.

Что ему здесь могло понадобиться? Перед глазами стремительно проносятся кадры из прошлых церемоний открытия тура победителей. Лица выигравших трибутов, их менторов и стилистов. От случая к случаю мелькали высокопоставленные члены правительства. Но президент – ни разу. Он посещает празднества разве что в Капитолии. Да и то не всегда.

Если проделал такой долгий путь – вывод может быть только один. У меня серьезные неприятности. А значит, и у моих родных. По спине пробегают мурашки, стоит представить, как близко мама и Прим оказались от этого человека, который меня ненавидит. И всегда будет ненавидеть. Я ведь перехитрила изуверские Игры, выставила Капитолий на посмешище, а стало быть, в чем-то подорвала его власть.

Мне всего лишь хотелось выжить и сохранить жизнь Пита. Любой знак неповиновения – просто случайность. Но если Капитолий решил оставлять в конце Голодных игр *одного* трибута, то, видимо, высказать свое мнение – уже дерзость и бунт. Единственное спасение заключалось в том, чтобы притвориться безумно влюбленной в Пита. И тогда нам обоим позволили жить. Короновали как победителей. Вернули домой, устроили в нашу честь торжество, дали прощально помахать в объективы и наконец оставили в покое. До нынешнего дня.

Возможно, сказывается непривычка к новому дому или внезапный страх при виде человека, который в любую минуту способен меня убить, только вдруг в голове все путается. Такое впечатление, что президент – у себя, а я – незваная гостья. Я даже не предлагаю ему присесть. И вообще молчу. На самом деле, я обращаюсь с ним, точно с ядовитой гадиной, – не двигаюсь, не отрываю от него глаз и обдумываю план бегства.

– Полагаю, нам обоим будет гораздо проще, если мы сразу договоримся не лгать друг другу, – говорит президент. – Что скажете?

«Ничего не скажу: у меня язык примерз к нёбу», – думаю я, но, к собственному изумлению, произношу твердым голосом:

– Да, пожалуй, это сэкономит кучу времени.

Президент Сноу отвечает улыбкой, и я в первый раз обращаю внимание на его рот. Какие губы могут быть у змей? Никаких. А у него – полноватые, и кожа натянута, словно на барабане. Вряд ли тут обошлось без операции. Похоже, Сноу нарочно переделывал рот, чтобы выглядеть привлекательнее. Если так, значит, он выбросил время и деньги на ветер.

– Мои советники опасались, что вы создадите массу проблем... Вы ведь не собираетесь создавать проблемы, верно?

– Верно, – киваю я.

– Я им так и сказал. Сказал, что любая девушка, сохранившая свою жизнь столь высокой ценой, не станет обеими руками отталкивать этот дар. Тем более если у нее есть семья. Мама, сестра и... кузены.

По тому, как он протянул последнее слово, я понимаю: президенту отлично известно о том, что мы с Гейлом – вовсе не веточки одного родословного древа.

Стало быть, карты брошены. Может, оно и к лучшему. Не люблю непонятных угроз. Всегда легче, если знаешь расклад.

– Давайте присядем. – Сноу занимает место за столом из полированного дерева, за которым Прим делает уроки, а мама подсчитывает семейный бюджет.

Он не имеет на это никакого права, равно как и вообще находиться здесь. Впрочем, у кого же тогда все права? Я опускаюсь напротив, на стул с резной прямой спинкой. Его явно делали для человека повыше: ноги едва достают до пола.

– У меня неприятности, мисс Эвердин, – говорит президент. – И начались они в ту самую минуту, когда вы воспользовались на арене своими ядовитыми ягодами.

Я это сделала, желая проверить, что решат распорядители Игр – остаться без победителя, если мы оба покончим самоубийством, или позволить нам сохранить наши жизни.

– Будь у Сенеки Крейна хоть немного мозгов, он бы раздавил вас на месте, словно букашек. К несчастью, наш главный распорядитель оказался сентиментальным глупцом. И вот, пожалуйста. Попробуйте догадаться, где он сейчас?

Я молча киваю: судя по тону высказывания, Сенеку казнили. Теперь, когда нас разделяет только стол, запах крови и роз обостряется. Роза – у президента на лацкане, это понятно, причем аромат генетически был усилен, в жизни цветы так не пахнут. А что касается крови... Даже не знаю.

– После этого мне оставалось одно: позволить вам разыграть вашу маленькую комедию. Нет, вы были просто прелестны: эдакая наивная влюбленная школьница. Обитателей Капитолия ваша игра убедила. А вот в дистриктах, к сожалению, на обман купились не все.

Видимо, на моем лице мелькает легчайшая тень удивления.

– Разумеется, вы об этом не подозревали. Где уж вам знать о настроениях в остальных дистриктах! Между тем некоторые восприняли ваш незатейливый фокус как знак открытого неповиновения, а вовсе не безоглядной любви. Ну, а если девчонке из Дистрикта номер двенадцать позволено бросить вызов Капитолию и уйти безнаказанной, что помешает им поступать точно так же? Что помешает, к примеру, устроить мятеж?

Смысл последнего предложения доходит не сразу. А потом обрушивается на меня всей своей тяжестью.

– Неужели начались мятежи?

Трудно сказать, страшит меня эта мысль или, наоборот, воодушевляет.

– Пока нет. Но это лишь вопрос времени – разве что радикально изменится ситуация... А мятежи, как известно, ведут к революциям. – Президент потирает место над левой бровью, которое (мне ли не знать) потирают, когда болит голова. – Вы имеете хотя бы отдаленное представление, что это значит? Сколько людей погибнет? В каких условиях окажутся уцелевшие? Может, Капитолий и не подарок, но стоит ему хоть на день ослабить хватку – поверьте на слово, – вся система рухнет.

Меня поражает прямота и даже искренность его речи. Можно подумать, Сноу на самом деле превыше всего ценит благополучие жителей Панема, а ведь это полная чушь.

Не знаю, откуда берется смелость, но я говорю:

– Какая хрупкая система: рушится из-за горсти ягод.

Собеседник долго молчит и пристально разглядывает меня.

– Да, хрупкая, только не в том смысле, что вы подумали.

Раздается стук в дверь, и в кабинет просовывает голову капитолиец.

– Ее мать спрашивает: вы чай пить будете?

– Буду. С удовольствием, – говорит Сноу. Дверь открывается шире; на пороге стоит моя мама с подносом. – Сюда, пожалуйста. – Положив книгу на угол, он похлопывает ладонью посередине стола.

Мама опускает поднос. На нем фарфоровый чайник и чашки (сервиз из ее приданого), сливки, сахар, тарелка с печеньем. Печенье украшено цветочками из глазури нежных оттенков – разумеется, это работа Пита.

– Как любезно. Забавно, знаете ли: многим людям и в голову не приходит, что президентам тоже хочется есть.

Надо же, само добродушие. По крайней мере, мама слегка успокаивается.

– Может, еще что-нибудь? – спрашивает она. – Если вы голодны, я бы приготовила...

– Нет, этого более чем достаточно. Благодарю.

Ясно: он ее выпроваживает. Мама бросает на меня быстрый взгляд и уходит. Президент наливает нам чаю, кладет себе сахар, сливки и долго-долго мешает ложечкой. Похоже, он все сказал и теперь ожидает ответа.

– У меня и в мыслях не было подстрекать людей к мятежам, – говорю я.

– Верю. Но это неважно. Ваш стилист оказался пророком, выбирая наряды. Вы, «Огненная Китнисс», бросили искру, способную (если вовремя не принять меры) разгореться в адское пламя, которое уничтожит Панем.

– Почему бы вам не убить меня прямо сейчас? – выпаливаю я.

– Прилюдно? – осведомляется Сноу. – Это лишь подольет масла в огонь.

– Тогда подстройте несчастный случай.

– Кто купится на такую дешевку? – возражает он. – Вы бы сами купились?

– Тогда скажите, что нужно сделать, и я это сделаю.

– Если бы все было так просто... – Президент берет печенье и разглядывает глазурные цветочки. – Мило. Ваша мать приготовила?

– Пит.

Впервые не выдержав, я отвожу глаза и делаю вид, что захотела чая, но тут же ставлю чашку обратно, услышав предательский звон о блюде. Приходится, чтобы скрыть смущение, тоже взять выпечку.

– Пит... Ну и как он, ваша любовь до гроба?

– Хорошо, – отвечаю я.

– Скажите, когда он по-настоящему понял, насколько вам безразличен? – Сноу окунает печенье в чай.

– Пит мне не безразличен, – говорю я.

– Но, кажется, не до такой степени, чтобы в это поверил весь Панем.

– Кто это сказал?

– Я сказал. И если бы я один, мы бы с вами сейчас не разговаривали. Как поживает очаровательный кузен?

– Не знаю... я не...

В горле застревает комок. Как отвратительно обсуждать с президентом личные чувства, тем более к людям, которые мне дороже всего.

– Продолжайте, мисс Эвердин. Уж его-то прикончить легче всего, если мы не придем к соглашению, – произносит Сноу. – Вы оказываете молодому человеку плохую услугу, бегая с ним по лесу каждое воскресенье.

Если ему и это известно, то что еще? И вообще, откуда он знает? Многие могли рассказать, как мы с Гейлом охотимся. Каждое воскресенье приходим обратно с тяжелыми сумками для трофеев. И так уже много лет. Вопрос в том, что, по его предположениям, происходит в лесах вокруг нашего дистрикта? Не думаю, что за нами кто-то следил. Или все-таки?.. Нет, исключено. А камеры? Эта мысль почему-то впервые приходит мне в голову. До сих пор лес был тайным убежищем, недоступным для капитолийцев, местом, где мы могли быть самими собой, говорить, что хотим... Я имею в виду, до Голодных игр. Если слежка тянется с тех самых пор, то что эти люди успели увидеть? Двух охотников, ведущих опасные разговоры о Капитолии – да, пожалуй. Но не любовников, как намекает Сноу. Тут мы чисты. Разве только... разве что...

Это случилось лишь однажды. Быстро, внезапно, как гром среди ясного неба, – и все же случилось.

Вернувшись с Голодных игр, я несколько недель не могла увидеться с Гейлом наедине. Сначала мешали разные обязательные для посещения торжества. Банкет победителей, куда приглашали только высокопоставленных чиновников. Праздник для целого дистрикта, с бесплатной едой и развлечениями – все за счет Капитолия. День пакетов – первый из двенадцати, когда обитателям дистрикта раздают пайки. Вот это мне по душе: наблюдать, как вокруг веселятся вечно голодные дети Шлака, прижимая к себе пакетики с яблочным соком, мясные консервы и даже сласти. Знать, что дома их ожидают мешки зерна и бутылки с маслом. И что теперь целый год, раз в месяц, все будут получать угощение. В такие минуты я даже рада быть победительницей в Голодных играх.

В общем, сплошные праздники и церемонии; репортеры следили за каждым шагом, а я сидела на почетном месте и целовала Пита на публике, почти не надеясь, что нас оставят в покое. Но вот понемногу страсти утихли; телевизионщики с журналистами, собрав чемоданы, отправились восвояси, а между мной и Питом снова установились прохладные отношения. Наша семья поселилась в Деревне победителей. В дистрикте возобновилась привычная жизнь: рабочие по утрам отправлялись на рудники, а детишки – в школы. Я дождалась, пока все окончательно не уляжется, и как-то раз в воскресенье, никому не сказав, ушла в лес еще до рассвета.

Холода еще не наступили, поэтому я обошлась без куртки. Взяла с собой сумку с припасами: холодная курица, сыр, апельсины, хлеб из пекарни. Как обычно, ограждение было не под током, и мне удалось проскользнуть в дыру. Отыскав свой лук и стрелы, я зашагала напрямик на то место, где мы с Гейлом делили завтрак в то утро, когда меня поглотила Жатва.

Ждать пришлось два часа. Я уже начала волноваться: вдруг он потерял надежду за недели, миновавшие после Голодных игр. Или забыл обо мне. А то и возненавидел. Утратить лучшего друга, единственного на свете человека, с которым можно делиться секретами... Нет, это слишком ужасно. Вмиг набежали слезы, а горло мучительно стало сжиматься – так бывает, когда очень плохо.

Поднимаю глаза – и вот он, стоит поодаль, внимательно смотрит. Я, не раздумывая, вскочила и обняла его, то ли громко смеясь, то ли всхлипывая. Гейл очень долго не отпускал меня, целую вечность, и не отпустил бы, если бы не внезапный приступ отчаянной и оглушительной икоты, от которого мне пришлось «лечиться» холодной водой.

В тот день мы вели себя как обычно. Позавтракали. Поохотились, порыбачили, насобирали ягод. Болтали о городских событиях. Обо всем подряд. Только не о нас двоих. Не о его новой жизни шахтера, не о моей – на арене. Уже у дыры в ограждении, проделанной поблизости от Котла, я подумала, даже поверила, что все еще будет по-прежнему. Что мы сможем жить, как раньше. Добычу я, разумеется, отдала Гейлу, ведь у нас теперь было вдоволь еды. В Котел идти отказалась, хотя хотелось ужасно: все-таки мама и Прим до сих пор не имели понятия, где меня носит. Потом вызвалась ежедневно проверять ловушки.

И вдруг он взял мое лицо в ладони – и поцеловал.

Я растерялась. Казалось бы, после стольких лет вместе мне было известно все о его губах: как они улыбаются, говорят и грустят. Но я даже не представляла себе, какое тепло заструится от них по моим, когда наши губы встретятся. Или как эти руки, создавшие множество хитрых ловушек, легко могут обхватить меня. Смутно помню: вроде бы я издала негромкий гортанный звук и крепко сжала пальцы у него на груди. Тут Гейл отпустил меня и сказал:

– Я не мог этого не сделать. Хотя бы раз.

И ушел.

Солнце клонилось к закату; я знала: родные волнуются, – и все-таки продолжала сидеть под деревом у ограждения. Пыталась понять: понравился мне поцелуй или же разозлил? Но в памяти возникало только прикосновение губ и едва уловимый апельсиновый запах. Это было совсем не то, что множество поцелуев, которыми обменялись мы с Питом, – трудно сказать, чего они вообще стоили. В конце концов я пошла домой.

И всю неделю исправно ходила к ловушкам, отдавая добычу Хейзел. С Гейлом не виделась до воскресенья. За это время я приготовила целую речь о том, что сейчас не желаю встречаться с парнями или выходить замуж. Однако старания оказались напрасными: Гейл повел себя так, словно ничего не произошло.

Может быть, ожидал, что я первой заговорю. Или верну поцелуй.

Я тоже сделала вид, что ничего не случилось. Но ведь на самом деле – случилось. Гейл сокрушил между нами невидимую преграду, а заодно и надежду на возвращение к старой, ничем не омраченной дружбе. Сколько ни притворяйся, теперь я не могла спокойно смотреть на его губы.

Все эти мысли молниеносно проносятся у меня в голове под немигающим взглядом президента, только что пообещавшего расправиться с Гейлом. Наивная, с чего я решила, будто Капитолий возьмет и просто забудет нас после Голодных игр? Можно было не догадаться о зреющих мятежах, но мне ведь сказали: Капитолий разгневан! И вот, вместо того чтобы действовать с величайшей осторожностью, что я натворила? Как это выглядит с точки зрения президента? Дерзкая победительница тут же забыла о Пите и на глазах у всего дистрикта отдала предпочтение обществу давнего друга. То есть открыто высмеяла капитолийцев. Теперь из-за моего легкомыслия под угрозой и Гейл, и его семья, и мои родные, и Пит.

– Прошу вас, не трогайте Гейла, – шепотом умоляю я. – Он просто мой друг. Мы дружим уже много лет. И потом, все уверены, что мы родственники.

– Меня занимает другое: как это повлияло на ваши отношения с Питом, а значит – и на настроение дистриктов.

– Я исправлюсь во время тура. Буду любить его без ума, как и прежде.

– Как и сейчас, – поправляет Сноу.

– Как и сейчас, – подтверждаю я.

– Увы, чтобы предотвратить восстания, потребуется куда больше усилий.

– У меня получится. Я всем дистриктам докажу, что травилась из-за безумной любви, а не ради желания насолить Капитолию.

Сноу встает и прикладывает салфетку к пухлым губам.

– Цельтесь выше.

– Как это? Что значит «выше»? – не понимаю я.

– Убедите *меня*.

Президент роняет салфетку, берет свою книгу и направляется к двери. Я не смотрю на него и поэтому вздрагиваю, когда в ушах раздается отчетливый шепот:

– Между прочим, я знаю о поцелуе.

Дверь захлопывается.

3

Кровь... Это же запах его дыхания.

«Интересно, почему? – думаю я. – Может, он ее пьет?» Представляю себе, как он потягивает багровую жижу из чашки, макая туда печенье.

За окном заводится машина – тихо, вкрадчиво, словно кот промурлыкал, – и вот звук затихает вдали. Капитолийцы скрываются незаметно, как и приехали.

Кабинет начинает плясать перед глазами, описывая кривые круги. Не упасть бы в обморок. Я хватаюсь за край стола. Другая рука до сих пор сжимает красивое печенье Пита. Кажется, на нем была тигровая лилия, но теперь в кулаке одни крошки. Я и не знала, что раздавила его в ту минуту, силясь хоть что-нибудь удержать, когда вся жизнь полетела в тартарары.

Здесь только что был президент Сноу. Дистрикты на грани восстания. Гейл, и не он один, в смертельной опасности. Все, кого я любила, обречены. Неизвестно, кому *еще* придется расплачиваться за мое поведение. Разве что все изменится после тура. Разве что я усмирю недовольство и успокою президента. Да, но как? Доказав перед всей страной, что люблю Пита Мелларка.

«Не выйдет, – проносится у меня в голове. – Я не настолько искусно играю». Вот Пит – он и вправду хорош, способен убедить в чем угодно. В то время как я замыкалась и молчала, он говорил за двоих. Но ведь не Пит должен доказать свои чувства, а я.

В коридоре слышатся легкие торопливые шаги. «Не стоит ей говорить. Ни единого слова». Потянувшись к подносу, я спешу отряхнуть ладонь и пальцы от крошек. Потом беру чашку и делаю судорожный глоток.

– Все хорошо, Китнисс? – интересуется мама.

– Да. По телевизору этого не показывают, но президент каждый раз встречается с победителем и желает удачного тура, – жизнерадостно улыбаюсь я.

Ее лицо светлеет от облегчения.

– Ясно. Я-то боялась, что у нас неприятности.

– Ничего подобного. Неприятности могут начаться, когда команда подготовки увидит, как я запустила свои брови.

Мама смеется. Я смотрю на нее и вспоминаю, что еще в одиннадцать лет приняла на себя семейные заботы. Поворачивать поздно: теперь я всю жизнь буду защищать родных.

– Налить тебе ванну? – спрашивает она.

– Чудесная мысль, – отзываюсь я и вижу, как маму радует мой ответ.

По возвращении с Голодных игр я только и делала, что пыталась наладить наши отношения. Приучала себя обращаться к ней с просьбами, а не сердито отказываться от помощи, как делала все эти годы. Отвечать на объятия, а не терпеть их. Позволила тратить мой выигрыш. На арене я поняла, что не могу и дальше наказывать маму. Она не виновата в том, что впала в такое тяжкое уныние после смерти отца. Порой с людьми происходит такое, к чему они совершенно не готовы.

Вот, например, как со мной. Прямо сейчас.

И потом: когда мы вернулись в дистрикт, мама совершила один очень мудрый поступок. На вокзале, после первых же объятий с родными, репортеры начали задавать вопросы. Кто-то поинтересовался ее мнением о моем новом парне. Мама ответила, что считает Пита более чем достойным на эту роль, но меня – слишком юной для того, чтобы вообще заводить отношения с мальчиками. И многозначительно посмотрела на Пита. Послышался дружный хохот, выкрики вроде: «Ой, кому-то не поздоровится». Пит выпустил мою руку и сделал шаг в сторону. Всего на минутку, ведь обстоятельства вынуждали действовать с точностью до наоборот, – зато у нас появился повод держаться чуть холоднее, нежели в Капитолии. И может быть, это сойдет за

отговорку, почему меня так редко видели в обществе Пита с тех пор, как уехали телевизионщики?

Я поднимаюсь наверх, где над готовой ванной клубится пар. Мама бросила в воду пакетик сушеных цветов, которые добавляют воздуху благоухания. Мы до сих пор не привыкли к подобной роскоши, когда стоит повернуть ручку крана – и в нашем распоряжении сколько угодно чуть ли не кипятка. Дома, в Шлаке, вода была ледяная, ее приходилось греть на огне. Раздевшись, я погружаюсь словно в жидкий шелк: оказывается, мама добавила еще и немного масла, – и пытаюсь решить, как быть дальше.

Первый вопрос: кому рассказать и рассказывать ли вообще? Мама и Прим отпадают; они только зря разволнуются. Гейл тоже. Даже если будет возможность поговорить: что он может поделаться? Пожалуй, я помогла бы ему бежать в леса. Но Гейл не один на свете. Он ни за что не оставит родных. Да и меня, наверное. После тура надо будет как-нибудь объяснить, что наши общие воскресенья останутся в прошлом, но сейчас я не в силах загадывать настолько далеко. Кроме того, Гейл и так уже зол и рассержен на Капитолий. Не хватало еще и мне подстрекать его к личному мятежу. Нет, ни единой душе из дистрикта рассказывать нельзя.

Впрочем, есть еще три человека, которым можно довериться, и первый из них – мой стилист Цинна. Он и без моей помощи навлек на себя немилость. Зачем ухудшать его шаткое положение? Дальше – Пит. Ведь ему суждено стать моим товарищем по обману. Да, но как начать разговор? «Эй, привет! Помнишь, я тут заикнулась, что вроде как притворялась влюбленной в тебя? Так вот, пожалуйста, выкинь это из головы. И давай продолжать в том же духе, а то президент убьет Гейла». Нет, не могу. И потом, Пит отлично сыграет по правилам, даже не зная ставок. Кто остается? Хеймитч. Пьяница, разгильдяй и драчун, которого я только что окатила холодной водой из таза. Во время Голодных игр каждый ментор отвечает за выживание своего трибута. Надеюсь, Хеймитч еще заинтересован в этом.

Я опускаюсь на дно, позволяя воде сомкнуться над головой и отрезать все внешние звуки. Вот если бы ванна могла раздвинуться и позволила мне поплавать – как жаркими летними воскресеньями, в лесу, с отцом! Прекрасные были дни. Мы покидали дом рано утром и уходили в чащу дальше обычного, к небольшому озеру, которое папа нашел однажды во время охоты. Даже не помню, когда он успел научить меня плавать, – видимо, очень рано. Помню только, как я ныряла, плескалась и кувыркалась в воде. Помню вязкий ил между пальцами ног, ароматы цветов и зеленых листьев. Вот я лежу на спине, как сейчас, и смотрю в голубое небо. Вода заглушает лесные звуки. Отец набьет дичи, гнездящейся на берегу, я разыщу в траве яйца, и мы накопаям на мелководье корней китнисса – растения, от которого и пошло мое имя. Ближе к ночи, когда вернемся домой, мама сделает вид, будто не узнала свою слишком чистую дочь, и приготовит восхитительный ужин: жаркое из утки с печеными голубоватыми клубнями под аппетитным соусом.

Я никогда не водила Гейла на озеро. А могла бы. Дорога неблизкая, зато непуганой дичи там – сколько душа пожелает. Просто мне не хотелось ни с кем делить это место, оно было наше – мое и папы. После Голодных игр, когда стало нечем заполнить время, я несколько раз выбиралась туда в одиночку. С удовольствием плавала, но всегда возвращалась в печали. За эти пять лет озеро совершенно не изменилось – а кто бы узнал *меня*?

Даже под водой не укроешься от суеты. Гудят подъезжающие машины, кто-то кого-то приветствует, хлопают двери. Выходит, пробил час готовиться к туру. Кое-как вытираюсь насухо, набрасываю халат – и в то же мгновение в ванной комнате бесцеремонно появляется команда подготовки. Какая уж тут приватность. Что касается тела, между мной и этой троицей не осталось тайн.

– Китнисс, брови! – прямо с порога верещит Вения.

Хотя над моей головой собираются черные тучи, я все равно давясь усмешкой. Лазурные волосы Вении торчат во все стороны острыми клочьями, а прежние золотистые татуировки над бровями заворачиваются уже и под глаза.

– Да ладно, брось, – снисходительно похлопывает ее по спине Октавия, настоящая пышечка по сравнению с костлявой подружкой. – Ты-то быстро справишься, а мне что прикажешь делать с такими ногтями?

Она хватает мою ладонь своими бледно-зелеными руками – нет, скорее уже не бледно-, а ярко-зелеными: видимо, дань последнему писку капитолийской моды.

– Ну правда, Китнисс, с чем мне теперь работать? – почти рыдает Октавия.

Это верно, за последние несколько месяцев я изгрызла ногти до самых корней.

– Извини, – бормочу я под нос.

Все хотела избавиться от досадной привычки, однако приличный повод так и не подвернулся. Меньше всего в это время я размышляла о том, как бы угодить команде подготовки.

Флавий приподнимает несколько прядок влажных и спутавшихся волос – и неодобрительно трясет головой, разбросав оранжевые кудряшки.

– Честно скажи, к ним кто-нибудь прикасался? – говорит он сурово. – Помнишь, тебя просили не трогать волосы.

– Да! – Хорошо, что хоть в этом не подвела. – Вернее, нет, их никто не стриг. Конечно, я учла твоё пожелание.

Ничего-то я не учитывала. Просто руки не доходили. Заплетала привычную косу – и все.

Кажется, это смягчает их праведный гнев. Меня осыпают дождем поцелуев, усаживают на кресло в спальне и, по заведенному обычаю, принимаются разом без остановки трещать, даже не дожидаясь ответа. Пока Вения колдует над моими бровями, Октавия клеит фальшивые ногти, а Флавий втирает в голову что-то клейкое, я успеваю чего только не послушаться о Капитолии. И что последние Игры «были просто блеск», и что потом в Капитолии некуда было деваться от скуки, и что все ждут не дождутся нашего с Питом возвращения в последний день тура. А там уже не за горами Квартальная бойня.

– Ой, ты, наверное, волнуешься?

– Ты такая везучая!

– В первый же год – и сделаться ментором Квартальной бойни! – вздох восторгаются эти трое.

– Ну да, – говорю я бесстрастно.

А что остается? Даже в обычное время быть ментором – не пожелаешь и злейшему врагу. Я и так не могу проходить мимо школы без содрогания, все думаю: кто из детей станет моим трибутом? Да к тому же еще грядут семьдесят пятые Игры, Квартальная бойня. Их проводят каждые двадцать пять лет, отмечая поражение дистриктов особенно пышными торжествами, а для пущей потехи – каким-нибудь новым издевательством над трибутами. В школе однажды рассказывали, что на второй юбилей Капитолий затребовал для арены вдвое больше трибутов. Учителя не вдавались в подробности, а странно, ведь именно тогда житель Дистрикта номер двенадцать завоевал корону.

– Теперь Хеймитч снова будет у всех на слуху! – пищит Октавия.

Он никогда не делился с нами собственным опытом на арене. А сама бы я ни за что не спросила. Если Голодные игры с его участием и повторяли по телевизору, я была слишком юной и ничего не запомнила. Зато Хеймитчу Капитолий не даст забыть. Может, в каком-то смысле оно и к лучшему, что во время следующей Жатвы менторские места займем уже мы с Питом. Похоже, Хеймитч свое отработал.

Вдоволь нащебетавшись о страшной Квартальной бойне, участники подготовительной команды принимаются самым подробным образом обсуждать свою бестолковую жизнь: сплетничают о людях, имен которых я даже не слышала, хвалятся новыми туфлями, а Октавия уго-

щает нас длинным рассказом о том, какую промашку она дала, пригласив на день рождения гостей в нарядах из перьев.

Но вот мои брови выщипаны, волосы стали гладкими и шелковистыми, а ногти готовы принять слой лака. Очевидно, троице было приказано заниматься только лицом и руками – все остальное скроет зимняя одежда. В ход идут самые разные краски. Флавий, которому страсть как хочется испробовать на мне фирменную пурпурную помаду, скрепя сердце ограничивается розовым оттенком. Судя по выбранной стилистом палитре, на этот раз я должна выглядеть невинной девочкой, а не соблазнительницей.

Это хорошо. Вызывающая внешность и поведение не способствуют доверию. Хеймитч предельно ясно дал мне это понять, когда готовил для первых интервью.

Входит мама и застенчиво говорит, что Цинна велел показать команде, как она заплела мои волосы в день Жатвы. Троица чуть ли не прыгает от восторга и, затаив дыхание, наблюдает за маминой замысловатой работой. Я вижу в зеркале абсолютно серьезные взгляды; взгляды, в которых горит желание сделать собственную попытку. Эти люди так почтительно и любезно ведут себя с мамой, что мне становится стыдно за прежнее к ним презрение. Кто знает, какой бы я стала или о чем говорила, если бы выросла в Капитолии? Вполне возможно, меня бы ничуть не меньше мучили сожаления о том, что все гости явились на праздник в перьях.

Прическа готова, и я спускаюсь в гостиную, к Цинне. Один его вид уже внушает некоторую надежду. Стилист не переменялся: простая одежда, стриженные каштановые волосы, легкая золотая подводка у глаз. Мы обнимаемся, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не выложить ему историю с президентом Сноу. Нет, решено: сначала Хеймитч. Он лучше знает, кого еще можно огоршить подобным рассказом. И все-таки с Цинной очень легко говорить. Совсем недавно мы долго болтали по телефону, появившемуся у нашей семьи вместе с новым домом, словно в насмешку: ведь ни у кого из наших знакомых подобной роскоши нет. Питу я не звоню, а Хеймитч вообще много лет назад вырвал провод из стенки. Правда, можно связаться с Мадж, дочкой мэра, мы с ней подруги, но лучше встретиться лично. Поначалу эта штукавина подолгу стояла без пользы. Потом стал названивать Цинна и развивать мой талант.

Считается, что талант есть у каждого победителя. Имеется в виду некое дело, которым вы занимаетесь, когда отпадает необходимость ежедневно ходить в школу или на фабрику. Это может быть все – нет, правда, все что угодно, была бы тема для интервью. Как выяснилось, у Пита талант к рисованию. Он с детства расписывал глазурью печенье и торты в семейной пекарне, теперь разбогател и может позволить себе мазать красками холст. А у меня никакого таланта нет. Разве что к нелегальной охоте, но это не для экрана. Или к пению – чего я не стала бы делать для Капитолия ни за какие коврижки. Мама честно пыталась заинтересовать меня множеством разных увлечений из длинного списка, который прислала ей Эффи Бряк. Кулинария, составление букетов, игра на флейте. Ничто меня не зацепило, хотя у Прим обнаружилась склонность ко всем трем занятиям. Наконец за дело взялся стилист. Он предложил развить мою страсть к моделированию одежды. Очень трудно развить в человеке то, чего в нем нет и в помине, однако я согласилась – ради возможности время от времени пообщаться с Цинной.

В гостиной его руками разложены ткани, предметы одежды, альбомы с набросками. Я беру один из альбомов и всматриваюсь в платье, эскиз которого якобы создала.

– Знаешь, Цинна, по-моему, я подаю большие надежды.

– Одевайся, никчемное ты существо, – отвечает он и бросает мне кучу тряпок.

Может, я не питаю склонности к созданию разных нарядов, зато обожаю произведения Цинны. Например, вот эти. Черные струящиеся брюки из плотной теплой материи. Уютная белая рубашка. Вязаный свитер из пушистой, словно котенок, синей, зеленой и серой шерсти. Кожаные ботинки на шнуровке, нисколько не жмущие в носках.

– Я сама это создала? – осведомляюсь я.

– Нет, но мечтаешь придумывать собственные наряды, чтобы когда-нибудь превзойти меня, своего кумира. – Цинна вручает мне кучу маленьких карточек. – Прочтешь на съемке, пока они будут давать наплыв на шмотки. И постарайся вложить хоть немного души.

Внезапно врывается Эффи Бряк в парике – оранжевом, словно спелая тыква, – и громко напоминает:

– Работаем по графику!

Она целует меня в обе щеки, одновременно подзывая жестами остальных, и указывает, где мне нужно стоять. Не будь Эффи, мы бы, наверное, никуда не успели в столице, поэтому я ублажаю ее как могу. Дергаюсь, точно кукла на нитках, трясусь одеждой и произношу бессмысленные фразочки вроде:

– Ну как, вам нравится?

Звукооператоры записывают на пленку мой бодрый голос, читающий карточки, чтобы позже наложить его на изображение, а потом выпроваживают меня из комнаты, чтоб не мешала снимать мои/Цинны шедевры.

Сегодня Прим отпросилась из школы пораньше. У нее тоже берут интервью, на кухне. Небесно-лазурный фартучек так подходит к ее глазам. Белокурые волосы перевязаны подходящей по цвету ленточкой. Сестра привстает на цыпочки в своих белоснежных туфлях так, словно собралась улететь, словно...

Бам! Кажется, меня только что с размаху ударили в грудь. Нет, разумеется, не ударили. Но боль такая, что я отступаю на шаг. И, крепко зажмурившись, вижу перед собой не Прим, а Руту. Двенадцатилетнюю Руту, соперницу по арене. Эта девочка из Одиннадцатого дистрикта и впрямь летала между деревьями, точно птица, цепляясь за самые тонкие веточки... Я ее не спасла. Позволила ей умереть. Перед глазами встает образ Руты, лежащей под деревом, с копьем в животе...

Кого еще мне в будущем не удастся спасти от ярости Капитолия? Кто еще погибнет, если я не смогу задобрить президента Сноу?

Оказывается, Цинна пытается нарядить меня в шубу. Опомившись, я поднимаю руки. мех и внутри, и снаружи, он обволакивает меня. В жизни не встречала подобных животных.

– Горностай, – поясняет стилист, заметив, как я поглаживаю белоснежный рукав.

Наряд дополняют кожаные перчатки, ярко-красный шарф и... Головы касается что-то мягкое.

– Ты возрождаешь моду на меховые наушники.

«Терпеть не могу меховые наушники», – думаю я. В них трудно слышать. После того, как во время Голодных игр меня наполовину оглушило взрывом, я возненавидела этот головной убор еще сильнее. Врачи Капитолия восстановили больное ухо, но неприятный осадок остался.

Тут появляется мама, зажав что-то в руке.

– На счастье, – произносит она.

Круглая золотая брошь с изображением летящей сойки-пересмешницы. Я пыталась отдать ее Руте, однако та не взяла. Сказала, что и доверилась мне исключительно из-за этой броши. Цинна прикалывает украшение к узлу шарфа.

Поблизости возникает Эффи Бряк и хлопает в ладоши.

– Всем-всем, внимание! Снимаем первые кадры на улице. Победители приветствуют друг друга перед началом чудесного путешествия. Давай, Китнисс, улыбайся шире, ты же взволнована, правда?

И она буквально выталкивает меня за дверь.

Сначала я ничего не вижу за пеленой уже всерьез повалившего снега. Потом различаю Пита, выходящего из парадной двери. В голове раздается голос президента: «Убедите меня». Придется.

Расплывшись в улыбке, я делаю несколько шагов, затем, словно не сдержавшись, бросаюсь бегом. Пит подхватывает меня на руки, кружит, поскальзывается на искусственной ноге, мы оба летим в сугроб – я сверху, он снизу – и целуемся, впервые за несколько месяцев. К поцелую примешиваются мех, снежинки, помада, но даже сквозь них ощущается спокойствие и уверенность, которые Пит излучает везде и всегда. И я понимаю, что не останусь одна. Пит не бросит, не подведет перед камерами, несмотря на причиненную мною боль. Даже не попытается на подлинный поцелуй. Он по-прежнему заботится обо мне – как тогда, на арене. От этой мысли почему-то хочется плакать. Но я помогаю Питу подняться, просовываю руку в перчатке ему подмышку и весело тащу за собой.

День пролетает мимо, точно пейзаж за окном. Добираемся до вокзала, со всеми прощаемся, поезд трогается, и мы вместе, старым составом: Пит и я, Эффи с Хеймитчем, Цинна и Порция – стилист моего напарника, наслаждаемся великолепным ужином. Наконец я, в просторном халате поверх пижамы, сижу в шикарном купе, ожидая, пока остальные заснут. Хеймитч долго еще будет бодрствовать: не любит спать, когда снаружи темно.

Кажется, все затихло. Сую ноги в тапочки, тихо иду к его купе. Стучать приходится несколько раз. Дверь открывается, на пороге – Хеймитч, сердитый и хмурый, точно уверен, что я принесла недобрые вести.

– Что надо?

Облако винных паров окутывает меня и чуть не сбивает с ног.

– Есть разговор, – шепчу я.

– Прямо сейчас?

Киваю.

– Нашла время.

Он выжидает, но я уверена, что в capitoлийском поезде каждое наше слово записывается на пленку.

– Ну? – рывкает Хеймитч.

Вагоны вдруг принимаются тормозить. Ясно: президент Сноу следил за мной, ему не понравилось, что я собралась довериться ментору, и сейчас от меня избавятся. Хотя нет, машинист просто останавливается для дозаправки.

– Не продохнуть в этом поезде, – небрежно бросаю я.

Невинная фраза, и все-таки Хеймитч понимающе щурится.

– Я знаю, что тебе нужно.

Оттолкнув меня, он бредет по вагону к выходу, борется с дверью, отпирает ее (метель ударяет в лицо) и вываливается на землю.

Проводница из Капитолия спешит помочь, но Хеймитч добродушно отмахивается, удаляясь неверной походкой.

– Я на минутку. Воздухом подышу.

– Простите, он выпил. – В моем голосе звучат извиняющиеся нотки. – Я за ним присмотрю.

Спрыгиваю, бреду по следам, черпая снег мягкими тапочками. Ментор уводит меня к хвосту поезда, где никто не станет подслушивать, и только тогда оборачивается.

– Что?

Я выкладываю все. Про нагрянувшего президента, про Гейла, про то, как мы все умрем, если у меня ничего не получится.

Озаренный багровыми хвостовыми огнями, Хеймитч заметно трезвеет и даже будто бы стареет на глазах.

– Значит, должно получиться.

– Поможешь мне продержаться до конца путешествия... – начинаю я.

– Нет, Китнисс, поездка – это еще не конец, – произносит он.

– Как это? – не понимаю я.

– Даже если сейчас выгорит, через несколько месяцев капитолийцы вернутся и заберут нас на новые Игры. Теперь каждый год вы с Питом будете менторами. Каждый год они станут копать в вашей личной жизни, разглашая на всю страну подробности вашего любовного романа. Ничего другого тебе не остается, как жить с этим парнем долго и счастливо, до окончания дней.

Его слова – очень сильный удар. Выходит, мне никогда не быть с Гейлом, даже если захочется. Значит, выход один – любовь до гроба, ибо так решил Капитолий. Осталось от силы несколько лет свободы, мне ведь всего шестнадцать. Пока еще можно жить с мамой и Прим.

А потом... потом...

– Ты поняла? – не отступает Хеймитч.

Я киваю. Да, поняла: если хочу уцелеть и спасти своих близких, мое будущее предрешено. Придется выйти замуж за Пита.

4

Мы в молчании ковыляем обратно к вагону. В вагоне, уже перед моей дверью, Хеймитч похлопывает меня по плечу.

– Знаешь, могло быть гораздо хуже.

И бредет обратно в купе, унося с собой мощный запах перегара.

Я захожу к себе, скидываю мокрые тапочки, халат и пижаму и забираюсь под одеяло в одном белье. Долго смотрю в темноту, вспоминая разговор с Хеймитчем. Все, что он сказал, чистая правда: и ожидания Капитолия, и мое будущее вместе с Питом, и даже последнее замечание. Разумеется, могло быть гораздо хуже. Однако не в этом дело, правда? В Двенадцатом дистрикте жители не избалованы свободами, но хотя бы вольны выбирать, с кем связать свою жизнь и связывать ли вообще. У меня отняли даже это право. А если президенту Сноу захочется, чтобы мы завели детей? Тогда им каждый год будет грозить Жатва. Ребенок победителя (а тем более двух) – лакомый кусок для телевизионщиков. Раньше такое уже случалось. И всякий раз вызывало в стране волнения: дескать, мало шансов, чтобы лотерея выбрала именно эту семью из множества. Однако шанс почему-то выпадал, и довольно часто. Гейл не сомневался: Капитолий нарочно подделывает результаты, чтобы прибавить Голодным играм остроты. Если учесть, как много шума я подняла вокруг своей персоны, нашему будущему ребенку прямая дорога на арену.

В голову лезут мысли о Хеймитче. Ни жены, ни семьи, весь мир заслонила пьяная мгла. Он мог выбрать любую женщину в дистрикте, но предпочел жить в уединении. Нет, это слишком уютное, спокойное слово. Он предпочел добровольное одиночное заключение. Может, потому, что уже на арене понял: так будет лучше? Когда имя Прим прозвучало в день Жатвы и младшая сестра начала подниматься на сцену, навстречу смерти, у меня хотя бы был выбор. Я заняла ее место. У мамы такого выбора не было.

Мысли отчаянно мечутся в поисках выхода. Я не дам президенту Сноу обречь меня на этот кошмар. Прижмут к стене – покончу с собой. Или попытаться сбежать? Что они сделают, если я вдруг исчезну? Бесследно растаю в лесах? Вот бы уговорить кого-то из близких скрыться вместе и начать в чаще новую жизнь. Маловероятно, что у меня получится, однако надежда есть.

Я трясую головой. Не время строить безумные планы. Нужно сосредоточиться на туре победителей. Судьбы многих людей зависят от того, хорошо ли я справлюсь с ролью.

Рассвет наступает раньше, чем мне удастся заснуть, и вот уже Эффи колотит в дверь. Натянув на себя первое, что подворачивается под руку, я тащусь вслед за ней в вагон-ресторан. Не понимаю, для чего в обычный день тура меня подняли ни свет ни заря. Оказывается, накануне команда Цинны готовила только к поездке на вокзал, а настоящая работа нам предстоит сегодня.

– Зачем это все? – ворчу я. – На улице холодно, так что и носа из-под шарфа не высунешь.

– Только не в Одиннадцатом дистрикте, – отвечает Эффи.

Дистрикт номер одиннадцать. Наша первая остановка. Родина Руты. Честно говоря, я предпочла бы начать где угодно, лишь бы не здесь. Но расписание тура почти всегда одинаково. Поезд отходит от нас, из Двенадцатого, и посещает все дистрикты, считая в обратном порядке, до Первого. Потом – Капитолий. Дистрикт победителя пропускают, оставляют на самый конец. Обычно в Двенадцатом праздник получается скомканным – ужин для трибутов и победный митинг на площади, где публика даже и не старается напускать на себя восторженный вид, – поэтому в наших краях поезд никогда особенно не задерживался. Но в этом году, впервые после победы Хеймитча, тур окончится в Дистрикте номер двенадцать, и Капитолий раскошется на торжества.

Я пытаюсь «радоваться насущному хлебу», как выражается Хейзел. Повара явно решили меня побаловать. Приготовили самые любимые деликатесы, даже тушеное филе барашка с черносливом. На столе с моей стороны стоит апельсиновый сок и чашка дымящегося горячего шоколада. Все исполнено безупречно, и я набиваю еду за обе щеки, однако не чувствую вкуса. Между прочим, досадно, что к завтраку встали только мы с Эффи.

– А где остальные? – интересуюсь я.

– Кто знает, где носит этого Хеймитча, – отвечает она. Вот уж кого я совсем не ждала увидеть: должно быть, он только добрался до кровати. – Цинна вчера трудился до поздней ночи, обустраивая твой вагон-гардеробную. Там, наверное, сотня разных нарядов. А команда Пита, по-моему, еще не вставала.

– Разве ему не нужно готовиться? – осведомляюсь я.

– Не так усиленно, как тебе.

Выходит, пока меня целое утро будут ошипывать, Пит преспокойно выспится? Об этом я до сих пор не задумывалась, но кое-кто из парней на арене и вправду был волосат в таких местах, которые девушкам обривали наголо. В том числе Пит. Помню, как я омывала его у ручья. Под солнечными лучами, очищенная от грязи и крови, его белокурая голова засияла. А лицо было совершенно гладким. Ни у кого из парней с арены не росла борода, хотя многим она полагалась по возрасту. Интересно, как этого добились?

Я ощущаю себя разбитой, но на подготовительную команду и вовсе жалко смотреть. Троица глушит кофе напропалую и обменивается яркими цветными таблеточками. Насколько я могу судить, эти несчастные привыкли нежиться под одеялами до полудня, а тут срочный заказ национального значения – мои волосатые ноги...

Сегодня никто не расположен к обычным пустым беседам. В тишине слышно, как каждый волосок выдирается из своей фолликулы. Меня замачивают в ванне, наполненной густым вонючим раствором. Лицо и руки мажут разными кремами. Потом еще ванны с отварами, уже не такими противными. Тело чистят, дряют, скоблят, массируют и натирают.

Флавий берет меня за подбородок и скорбно вздыхает:

– Жаль, что Цинна не разрешил ничего менять.

– Да уж, мы бы сделали из тебя конфетку, – прибавляет Октавия.

– Вот погодите, когда она подрастет, – зловеще вставляет Вения, – Цинна уже не отвертится.

Что он им тогда разрешит? Раздуть мои губы, как у президента Сноу? Сделать татуировки на груди? Окрасить кожу пурпуром и вставить в нее драгоценные камни? Покрыть лицо художественной резьбой? Превратить руки в лапы с хищными крючковатыми когтями? Пересадить на щеки кошачьи усы? В Капитолии мне встречалось и не такое. Эти люди хоть представляют себе, какими уродами кажутся нам, обыкновенным смертным?

Значит, однажды я стану беспомощной жертвой капризов моды. Мало того, что все тело болит и требует сна; впереди маячит навязанный брак; президент угрожает убить моих близких, если не справлюсь, – так тут еще и это!.. В итоге к началу обеда, за который Эффи, Цинна, Порция, Хеймитч и Пит уселись, не дожидаясь меня, я окончательно раскисаю и не могу ни с кем говорить. Зато остальные наперебой радуются еде и тому, как сладко можно выспаться в поезде. Все в восторге от нашего тура. Ладно, все, кроме Хеймитча. Мучаясь похмельем, он отшипывает от булки маленькие кусочки. Мне тоже кусок не лезет в горло: то ли от горя, то ли переела с утра. Лениво помешиваю бульон, отхлебываю пару ложек. На Пита, своего будущего супруга, даже смотреть не могу, хотя он нисколько не виноват.

Соседи по столу замечают мое настроение, но я пресекаю любые попытки втянуть меня в беседу. А потом поезд останавливается. Появляется проводница и объясняет: это не дозаправка. Что-то там поломалось, и мы простоим не меньше часа.

Эффи впадает в раж. Достав расписание, она подробно расписывает, как эта непредвиденная задержка повлияет на нашу дальнейшую жизнь вплоть до скончания века. Слушать ее становится просто невыносимо.

– Эффи, да всем наплевать! – вырывается у меня.

Все смотрят с укоризной; даже Хеймитч, которого тоже бесит ее болтовня.

– Нет, правда наплевать! – повторяю я, оцетинившись, и покидаю вагон-ресторан.

Что за жуткая духота! Мне становится дурно. Чуть ли не выломав дверь вагона, не обращая внимания на сработавшую сигнализацию, спрыгиваю на землю. А где же снег? Теплый благоухающий воздух ласкает кожу. Неужели за сутки можно так далеко уехать на юг? Я шагаю вдоль рельсов, щурясь на яркое солнце. В душу закрадываются первые сожаления: Эффи-то здесь при чем? Надо бы возвратиться и принести извинения. Вспышка – признак дурных манер, а манеры для этой женщины слишком важны. Однако ноги сами несут меня прочь, мимо поезда, в даль. Остановка продлится не менее часа. Можно идти целых двадцать минут в одну сторону и только потом развернуться: времени хватит с лихвой. Вместо этого, пройдя пару сотен ярдов, я сажусь на траву и устремляю взгляд перед собой. Интересно, пошла бы я дальше, окажись в руках верный лук и стрелы?

Через некоторое время за спиной раздаются шаги. Наверняка пришел пожурить Хеймитч.

– Знаешь, у меня нет настроения слушать нотации, – обращаюсь я к пучку зеленой травы под ногами.

– Хорошо, постараюсь быть кратким, – отзывается Пит и садится рядом.

– Я думала, это Хеймитч.

– Нет, он еще не догрыз свою булку. – Пит с осторожностью пристраивает на земле искусственную ногу. – Что, неудачный день?

– Да так, – отвечаю я.

Он набирает в грудь воздуха, точно перед прыжком.

– Слушай, Китнисс, я все хотел с тобой поговорить о своем поведении. Ну, тогда, в поезде. По дороге домой. Я ведь знал, что между тобой и Гейлом что-то есть. И ревновал – еще прежде, чем нас объявили парой. Я был не прав: Голодные игры закончились, и ты мне ничем не обязана. Прости.

Его извинения – точно гром среди ясного неба. Конечно, Пит воздвиг между нами стену, когда узнал, что моя влюбленность была чем-то вроде притворства. Но мне ли его винить? На арене я так старательно играла влюбленную, что временами сама не могла разобраться в чувствах к Питу. И до сих пор не могу.

– Ты тоже прости, – говорю я коротко.

– Тебе-то за что извиняться? Ты спасала наши шкуры. Просто мне как-то не по душе, что мы шарахаемся друг от друга в реальной жизни, а перед камерами валяемся в снегу. Вот я и подумал: если не буду строить из себя... ну, ты понимаешь, обиженного мальчишку, мы бы могли стать... не знаю... друзьями?

Все мои друзья, вероятно, обречены на смерть. Однако Пита отказ уже не спасет.

– Ладно.

Словно камень с души свалился. Все-таки меньше придется лицемерить. Лучше бы этот парень пришел со своим предложением чуть пораньше, прежде чем я узнала о планах Сноу. Теперь-то «просто друзьями» быть не получится. Но я благодарна уже за то, что мы вновь разговариваем.

– Что-то не так? – произносит он.

Я не могу рассказать. И молча щиплю пальцами траву.

– Ладно, давай потолкуем о чем-нибудь попроще. Представляешь, ты рисковала жизнью ради меня на арене... а я до сих пор не знаю, какой твой любимый цвет.

Мои губы трогает улыбка.

– Зеленый. А твой?

– Оранжевый.

– Да? Как парик у нашей Эффи?

– Нет, более нежный оттенок. Скорее, как закатное небо.

Закат. Перед глазами тут же встает картина: краешек заходящего солнца и небеса в оранжевых разводах. Красиво. Потом вспоминается глазурная лилия на печенье, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не рассказать о визите президента. Хеймитч этого не одобрит. Лучше продолжить незатейливую беседу.

– Говорят, будто все без ума от твоих картин, а я ни одной не видела. Жалко.

– Так ведь у меня с собой их целый вагон. – Пит поднимается и подает мне руку. – Идем.

Приятно, что наши пальцы снова переплелись, и причиной тому – не нацеленные камеры, а настоящая дружба. Мы шагаем обратно к поезду.

– Надо задобрить Эффи, – спохватываюсь я.

– Не бойся перестараться, – советует Пит.

Возвращаемся в вагон-ресторан. Остальные еще обедают. Я рассыпаюсь в преувеличенных извинениях и, по-моему, здорово перегибаю палку – впрочем, этого еле-еле хватает, чтобы загладить столь ужасную вину, как нарушение этикета. Эффи (надо отдать ей должное) великодушно принимает мои оправдания: дескать, она понимает, какое давление я сейчас испытываю, и вновь начинает распространяться о том, как важно, чтобы каждый из нас неукоснительно следовал расписанию. Речь продолжается ровно пять минут. Думаю, я легко отделалась.

По окончании лекции Пит уводит меня в особый вагон, где хранит полотна. Не знаю, чего я ожидала. Наверное, увидеть тигровую лилию – как на том печенье, только размером побольше. И разумеется, не угадала. Пит изобразил на картинах Голодные игры.

На некоторых – подробности, понятные лишь тому, кто был с ним на арене. Струйки воды сочатся сквозь трещины в потолке пещеры. Пересохшее русло ручья. Руки Пита роются в земле, выкапывают корни. Другие картины понятны любому зрителю. Знаменитый Рог изобилия. Мирта с ее арсеналом ножей под курткой. Белокурый зеленоглазый переродок, подозрительно похожий на Цепу, кидающийся на нас с жутким оскалом. И еще – я. Всюду я. То высоко забираюсь на дерево. То стираю рубашку в ручье между двух камней. То лежу без сознания в луже крови. А вот такой я, должно быть, казалась ему во время сильной горячки: образ выступает из переливчатого серого тумана, под цвет моих глаз.

– Нравится? – спрашивает Пит.

– Мерзость, – роняю я. Мне явственно чужды запахи крови, грязи, не человеческие и не звериное дыхание переродка. – Ты воскрешаешь то, о чем я все это время мечтала забыть. Как тебе вообще удалось удержать в голове столько подробностей?

– Я вижу их каждую ночь.

Понимаю. Кошмары. Я и до Игр знала о них не понаслышке. Теперь они – постоянные спутники сна. Старые – об отце, которого на куски разрывает в шахте, – в последнее время редки. Зато я еще и еще раз переживаю происходившее на арене. Тщетно пытаюсь спасти Руту. Беспомощно наблюдаю, как истекает кровью Пит. Поворачиваю гноящееся тело мертвой Диademы. И очень часто слушаю страшные вопли Катона, угодившего в зубы к переродкам.

– Да, я тоже. Ну и как, рисование помогает?

– Не знаю. Вроде бы стало немного легче уснуть. По крайней мере, хочется в это верить, – отвечает он. – До конца я от снов не избавился.

– Возможно, и не избавишься. Как Хеймитч.

Ментор ни разу об этом не упоминал, но... что еще мешает ему засыпать в темноте?

– Пожалуй. Но лучше уж просыпаться с кистью в руке, чем с острым ножом, – произносит Пит. – Значит, тебе не понравилось?

– Нет. Хотя сделано потрясающе. Правда, – признаюсь я. Однако не могу больше на это смотреть. – А *ты* не хочешь полюбоваться на мой талант? Цинна потрудились на славу!

– В следующий раз, – усмехается он. В это мгновение поезд дергается, и мы обращаем взгляды к ландшафту, плывущему за окном. – Подъезжаем. Дистрикт номер одиннадцать.

Мы переходим в самый хвост поезда. Здесь поставлены и кушетки, и кресла, но самое любопытное: задние окна сливаются между собой, распространяясь даже на потолок; впечатление такое, словно едешь снаружи, на открытом воздухе. Перед глазами непривычный пейзаж: широкие, бескрайние луга, по которым лениво бродят молочные стада. Никакого сходства с нашим дистриктом, густо поросшим лесами.

Поезд замедляет ход. Новая остановка? Но нет: впереди вырастает забор. Тридцати пяти футов высотой, весь в кольцах колючей проволоки. По сравнению с ним наше ограждение выглядит детской забавой. Привычно шарю глазами у основания. Его обложили массивными железными плитами – не подкопаешься, не улизнешь на охоту. И всюду, на равном расстоянии друг от друга, торчат сторожевые вышки. Посреди заливных лугов, поросших цветами, они будто бельмо на глазу.

– Что-то новенькое, – вслух замечает Пит.

Из разговоров с Руттой я вынесла смутное представление о здешних порядках, куда более жестких, нежели в нашем дистрикте, – но чтобы такое?

Начинаются золотые поля, протянувшиеся насколько хватает глаз. Мужчины, женщины, дети в соломенных шляпах от солнца распрямляют спины и смотрят нам вслед. В отдалении зеленеют сады. Наверное, в одном из таких же работала Рута. Рвала спелые плоды, добираясь до самых тонких веточек. То здесь, то там попадаются горстки лачуг (оказывается, наши дома в Шлаке – еще не худший вариант). Людей рядом нет. Похоже, всех до единого угнали на сбор урожая.

И так продолжается до бесконечности, все одно и то же. Невероятно, какой он огромный, Дистрикт номер одиннадцать.

– Интересно, сколько здесь жителей? – произносит Пит.

Я трясую головой: дескать, понятия не имею. В школе нам говорили, что здесь обширные земли, но и только. Странно: молодежь в ожидании Жатвы, мелькающая во время Голодных игр на экранах, явно составляет мизерную часть местного населения. Как же этого добиваются? Досрочно вытягивают тессеры? Заранее определяют участников и подстраивают, чтобы они оказались в толпе? Как получилось, что Рута вышла на сцену, и только ветер тоскливо провыл о желании занять ее место?

Меня начинает мутить от просторов и бесконечности. Когда Эффи зовет нас переодеться, я даже не возражаю.

Иду к себе, отдаюсь на милость команды подготовки, которая долго колдует над моими лицом и прической. Цинна приносит прелестное рыжее платье, с узором в виде осенней листвы. Питу очень понравится.

Эффи в последний раз повторяет с нами расписание на день. Кое-где победителей возят по городу под ликование толп, однако местные жители, очевидно, нужнее сейчас на полях и в садах, так что мы просто выступим на площади перед Домом правосудия. Когда-то это большое мраморное сооружение было не лишено красоты... увы, время его не пощадило. Даже по телевизору можно заметить, как покосилась крыша, как зеленый плющ стыдливо пытается прикрыть осыпающийся фасад. Площадь зажата между обветшалыми витринами магазинов, по большей части – пустующими. Состоятельные обитатели дистрикта явно живут не здесь.

Наше выступление должно пройти на так называемой веранде, на вымощенном плиткой пространстве под сенью крыши, которую держат колонны. Нас с Питом представят публичке, мэр прочитает спич в нашу честь, а мы ответим благодарственной речью, заготовленной в Капитолии. Хорошо, если трибун прибавит несколько теплых слов от себя лично, упоминая

погибших союзников. Придется заговорить о Руте и Цепе. Я еще дома много раз пыталась выжать из себя хоть одно предложение, но застывала над белым листом бумаги. Вспоминать о них – значило растравить ужасные раны. К счастью, Пит ухитрился что-то накропать для нас обоих. В конце торжества нам вручат какую-нибудь памятную табличку – и поведут в Дом правосудия, на особый праздничный ужин.

Вокзал приближается; Цинна окидывает меня критическим взглядом, меняет оранжевую ленту на золотистую и закрепляет на груди круглую брошь с пересмешницей – ту, что была на мне во время Голодных игр.

Цветами поезд не встречают. Команда из восьмерых миротворцев торопится проводить нас к бронированному фургону. Когда дверь с грохотом захлопывается, Эффи презрительно фыркает:

– Можно подумать, мы какие-то преступники.

«Не мы, а я», – проносится у меня в голове.

Фургон подъезжает к Дому правосудия, и нас бегом, не давая времени оглядеться, заталкивают внутрь. Хотя я чувствую аппетитные ароматы грядущего ужина, плесень и разложение пахнут сильнее. С площади долетает гул толпы. Мы цепочкой шагаем к парадному выходу. Кто-то цепляет на платье микрофон. Пит берет меня за руку. Мэр представляет нас, и тут массивные двери со стоном распахиваются.

– Шире улыбки! – командует Эффи, подталкивая нас с Питом.

Ноги сами несут вперед.

Мелькает мысль: «Вот оно. Вот когда мне придется убеждать всех в своей нежности к Питу». Между тем торжество расписано по секундам. На поцелуй просто нет времени. Значит, придется выкроить.

Слышатся бурные аплодисменты; в отличие от Капитолия, публика здесь не свистит и не гикает. Проходим через тенистую веранду и замираем на вершине большого мраморного лестничного пролета, под ослепительным солнцем. Немного привыкнув к свету, я различаю дома, увешанные пестрыми флагами, дабы скрыть запустение. Площадь заполнена зрителями, но опять же, в масштабах местного населения это – капля в море.

Как обычно, у подножия сцены сооружен помост для членов семей погибших трибутов. Со стороны Цеп сидит ссутулившаяся старуха и крепкая, мускулистая девушка – сестра, наверное. А вот со стороны Руты... Я была не готова увидеть ее семью. Родителей, еще не оправившихся от горя. Пятерых младших ребятишек, так похожих на мою покойную союзницу. Те же стройные, легкие тела, то же сияние в карих глазах. Они удивительно похожи на стаю черных птичек.

Овация умолкает, и мэр произносит спич. На помост выходят две маленькие девочки с гигантскими букетами. Пит отчеканивает заготовленную речь, и я слышу, как из моего рта сама собой вылетает заключительная часть. Хорошо, что мама и Прим заставили вызубрить ее назубок.

У Пита в кармане – бумажка с личными комментариями, но, словно забыв об этом, он говорит от себя – простыми, берущими за душу словами. Рассказывает, как Рута и Цеп пробились в последнюю восьмерку, как спасали мне жизнь – а стало быть, и ему. И что мы теперь в неоплатном долгу. Внезапно запнувшись, Пит прибавляет кое-что, чего нет на бумажке:

– Понимаю, это ни в коем случае не восполнит ваших потерь, но мы решили отдавать пострадавшим семьям месячную часть нашего с Китнисс выигрыша – ежегодно, пока будем живы.

Кто-то невольно ахает. В толпе поднимается ропот. Такого еще никогда и никто не делал. Даже не знаю, законно ли это. Пожалуй, Пит тоже не знает, вот и молчал до поры до времени. Родственники Руты и Цеп смотрят на нас округлившимися глазами. Потеря близких людей навсегда изменила их жизнь к худшему, однако этот подарок означает не меньшие перемены.

Месячная доля выигрыша – на такие деньги семья может целый год кормиться. Пока мы живы, им уже не придется голодать.

Я смотрю на Пита, и он отвечает печальной улыбкой. В голове звучит голос Хеймитча: «Все могло быть гораздо хуже». Но лучшего, нежели этот поступок, и представить нельзя. Порывисто поднимаюсь на цыпочки, чтобы поцеловать своего мнимого возлюбленного, – и на сей раз никто не упрекнул бы меня в неискренности.

Мэр выступает вперед и дарит нам памятные таблички, такие крупные, что ради своей мне приходится расстаться с букетом. Церемония подходит к концу, и тут я ловлю на себе взгляд одной из сестренок Руты. Малышке около девяти, она точная копия покойной: даже стоит, чуть расставив руки. Несмотря на добрые вести, ее глаза не сияют от счастья. Наоборот, в них немой укор. Должно быть, за то, что мне не удалось спасти Руту.

Или нет. За то, что *не поблагодарила* ее.

Меня словно окатывает холодной водой. Девочка права. Как я могла безвольно стоять, будто язык проглотила, предоставив говорить одному Питу? Если бы победила Рута, она бы не промолчала. Вспоминаю, как там, на арене, я обложила ее цветами, чтобы эта смерть не прошла незамеченной. Открещусь от нее сейчас – и все насмарку.

– Погодите! – Я выхожу вперед на негнущихся ногах, прижимая к груди табличку. Время, отведенное для речей, истекло, но мне обязательно нужно что-то сказать. Сегодняшнего молчания не искупят никакие деньги. – Погодите, пожалуйста.

Слова льются сами по себе, точно давно уже ждали своего часа.

– Хочу поблагодарить трибутов Одиннадцатого дистрикта, – начинаю я и поворачиваюсь к двум женщинам справа. – Мы с Цепом поговорили всего лишь раз; ему хватило этого, чтобы сохранить мне жизнь. Мы не были лично знакомы, но я всегда уважала его. За силу. За отказ играть по чужим правилам. Профи с самого начала звали Цепу к себе – он отказался. И я прониклась к нему уважением.

Старуха – похоже, бабушка Цепу, – впервые поднимает глаза, и на ее губах появляется тень улыбки.

Толпа умолкает. Откуда взялась эта мертвая тишина? Кажется, зрители затаили дыхание.

Я поворачиваюсь в другую сторону.

– С Руту было иначе. Я словно знала ее всю жизнь, и она будет вечно со мной. Все красивое напоминает о ней. Желтые цветы на Луговине возле дома. Сойки-пересмешницы, поющие на деревьях. А главное – моя младшая сестра Прим. – Голос дрожит, но, к счастью, осталось совсем чуть-чуть. – Благодарю за ваших детей. – Я поднимаю голову, обращаясь к зрителям. – И спасибо вам всем за хлеб.

Тысячи взглядов направлены на меня – такую маленькую и расстроенную. Вдруг среди публики кто-то начинает насвистывать незамысловатую мелодию Руты. Сигнал окончания рабочего дня в садах. На арене это был наш сигнал, означающий: «Я в безопасности». На последней, четвертой ноте я различаю того, кто свистел. Покрытый морщинами старый мужчина в выцветшей красной рубашке и комбинезоне. Наши взгляды встречаются.

То, что происходит дальше, нельзя списать на случайность. Огромная, заполнившая площадь толпа не может так слаженно действовать, если только заранее не подготовится. Все зрители до единого прижимают три пальца левой руки к губам и протягивают ко мне. Знак прощания в Двенадцатом дистрикте; жест, которым я проводила Руту с арены.

Раньше такой поворот событий мог бы растрогать меня до слез – если бы не визит президента. В ушах раздается голос, велевший *утихомирить* публику, и меня охватывает ужас. Как отнесется Сноу к этому единодушному приветствию девушке, бросившей вызов Капитолию?

Что же я натворила! И ведь не нарочно, как-то само собой получилось. Я просто хотела сказать спасибо, а в итоге пробудила к жизни нечто опасное. Призвала жителей Одиннадцатого дистрикта к публичному акту инакомыслия. Которое всячески должна была подавлять!

Судорожно соображаю, как бы уладить произошедшее, что бы такого сказать, но тут раздается легкий щелчок; микрофон отключен. Мэр продолжает речь. А мы принимаем прощальные аплодисменты, и Пит уводит меня к дверям, не подозревая, что все пошло неправильно.

Почувствовав себя как-то странно, я замираю на полпути. Перед глазами пляшут яркие пятна света.

– Что с тобой? – спрашивает Пит.

– Ничего. – Тут я замечаю его букет и слабым голосом лепечу: – Цветы забыла.

– Сейчас принесу.

– Я сама.

Мы уже скрылись бы под безопасной сенью Дома правосудия, если бы я не остановилась, если бы не вздумала пойти за букетом. Из глубокой тени веранды мы видим все своими глазами.

Двое миротворцев нашли старика, засвистевшего песенку Руты, и оттащили его на вершину лестницы. Поставили перед публикой на колени. И прострелили голову.

5

Старик едва успел повалиться, как перед нами возникает стена из белых мундиров. Миротворцы, некоторые с автоматами наперевес, подталкивают нас обратно к дверям.

– Идем-идем! – восклицает Пит, прижимая меня к себе и увлекая под сень Дома правосудия. – Все хорошо, да? Китнисс, вперед.

Как только двери громко захлопываются за нашими спинами, слышится грохот солдатских сапог. Миротворцы спешат вернуться к зрителям.

Хеймитч, Эффи и Порция с Цинной ожидают нас под экраном, наполненным помехами. Лица у них тревожные, напряженные.

– Что случилось? – кидается навстречу Эффи. – После прелестной речи Китнисс у нас почему-то пропала связь, а потом Хеймитчу померещился выстрел. Я ему говорю: чепуха, но сама думаю: кто знает? Психов на свете полно.

– Ничего не случилось, Эффи. Какой-то старый фургон газанул, – ровным голосом отвечает Пит.

Раздается еще два выстрела. Двери больше не заглушают их. Кто на этот раз? Бабушка Цепя? Сестренка Руты?

– Вы оба – за мной, – командует Хеймитч.

Мы с Питом идем за ним, остальные не трогаются с места. Теперь, когда важные персоны в безопасности, миротворцы, расставленные по Дому правосудия, не обращают на нас внимания. Поднимаемся по роскошной мраморной винтовой лестнице. Наверху – длинный коридор с потрепанным ковром на полу. В первой комнате гостеприимно распахнуты двери: нас точно ждали. Потолок уходит на высоту, наверное, двадцати с лишним футов. Повсюду лепнина в виде цветов и фруктов; из углов таращатся жирные голые детки с крылышками. Вазы с букетами источают насыщенный, почти ядовитый запах, от которого у меня начинают чесаться глаза. На стенах – вешалки с нашими вечерними нарядами. Комнату подготовили специально для нас, а мы заглянули сюда лишь на минутку, чтобы оставить подарки. Сорвав наши микрофоны, Хеймитч прячет их под подушку и жестом зовет за собой.

Насколько мне известно, он был здесь лишь однажды – много лет назад, во время собственного тура. Значит, у него прекрасная память или безошибочное чутье: ментор уверенно шагает по лабиринту винтовых лестниц и сужающихся запутанных коридоров. Время от времени ему приходится останавливаться и толкать очередную дверь, которая, судя по сердитому скрипу петель, давно уже не открывалась. В конце концов мы забираемся по стремянке через какой-то люк – и оказываемся под куполом Дома правосудия. Огромное пространство заполнено сломанной мебелью, стопками книг, отчетов и грудями ржавого оружия. Повсюду толстым слоем лежит пыль – похоже, ее не тревожили много лет. Солнечный свет едва сочится через четыре грязных квадратных окна. Хеймитч пинком закрывает люк и поворачивается к нам.

– В чем дело? – рявкает он.

Пит выкладывает ему, что случилось на площади. Как прозвучала песенка Руты, как молча приветствовали нас зрители, как мы замешкались на веранде, как стали свидетелями убийства.

– Что здесь творится, Хеймитч? – спрашивает он напоследок.

– Лучше ты ему расскажи, – обращается ментор ко мне.

Не согласна: это в сотни раз хуже. Но делать нечего, и я как можно спокойнее говорю о визите президента Сноу, о волнении в дистриктах, даже о поцелуе с Гейлом. Объясняю, что мы в большой опасности, вся страна в опасности из-за моей дерзкой выходки с ягодами.

– Я должна была все исправить во время тура. Уверить сомневающихся, что тронулась от любви. Остудить закипевшие страсти. А вместо этого – что получилось? Трое убиты. Все, кто сегодня пришел на площадь, будут наказаны.

Мне становится дурно, и я опускаюсь на пыльную тахту, из которой торчат пружины вместе с ключьями мягкой набивки.

– Выходит, и я подлил масла в огонь, со своими деньгами. – Пит вдруг сбрасывает на пол настольную лампу, стоявшую на картонной коробке. Осколки летят во все стороны. – Пора уже прекратить эти игры! Вы двое шушукаетесь, делитесь тайнами, а меня даже не посвящаете. Словно я невменяемый тупица или слабак, недостойный доверия.

– Это не так... – начинаю я.

– Именно так! – огрызается он. – Китнисс, у меня в Двенадцатом дистрикте тоже остались родные, друзья. Думаешь, их это не коснется? Или после всего, что мы вместе перенесли на арене, я до сих пор не заслуживаю обыкновенной правды?

– Ты всегда был хорош и надежен, Пит, – возражает ментор. – Так умно вел себя перед камерами. Я не хотел ничего портить.

– И переоценил мои способности. Сегодня я все угробил. Что теперь будет с родными Руты и Цепы? Я подарил этим людям светлое будущее? Да им повезет, если они доживут до вечера!

Пит разбивает что-то еще – по-моему, статуэтку. Таким я его ни разу не видела.

– Хеймитч, он прав, – вырывается у меня. – Зря мы молчали. Даже тогда, в Капитолии.

– На арене вы тоже как-то между собой общались? – произносит Пит уже несколько спокойнее. – Не обращая внимания на меня?

– Нет. Публично – нет. Просто я догадывалась, чего он хочет, по прилетевшим или не прилетевшим подаркам.

– Что ж, у меня такой возможности не было. Мне ведь не присылали подарков, пока не появилась ты, – бросает Пит.

Это мне в голову не приходило. Как же он должен был себя чувствовать – умирающий, истекающий кровью, но не получивший ни единой посылки, когда появилась я, с хлебом и мазью от ожогов? Можно подумать, Хеймитч спасал меня за его счет...

– Слушай, парень... – заводится ментор.

– Не трудись. Знаю: тебе пришлось выбрать одного из нас. Я сам хотел, чтобы это была она. Но теперь все иначе. На улице умирают люди, а сколько еще погибнет, если мы не справимся? Я лучше Китнисс держусь перед камерами. Мне не нужны советчики. Нужно только одно: знать, во что ввязываюсь! – выпаливает Пит.

– С этого дня недомолвкам конец, – обещает Хеймитч.

– Да уж, надеюсь.

Пит уходит, не удостоив меня взглядом.

Растревоженные пылинки клубами кружатся в воздухе, подыскивая новое место для приземления. Мои ресницы, волосы, блестящую золотую заколку.

– Ты правда выбрал меня? – шепчу я.

– Ага, – отвечает ментор.

– Почему? Ведь он тебе больше нравился.

– Нравился, – не возражает Хеймитч. – Но, если помнишь, до изменения правил я не мог надеяться вытащить вас обоих. А Пит так усердно тебя защищал... Вот мне и пришлось на ум: если три человека приложат столько усилий для спасения одного, этот один уж точно выиграет.

– А-а... – только и говорю я.

– Знаешь, порой приходится делать выбор. Если выпутаемся из этой передрыги, ты тоже однажды научишься.

Да я и сегодня усвоила новый урок. Здешние земли – не увеличенный вариант моего родного дистрикта. Наш забор не охраняется и почти никогда не бывает под напряжением. Наши миротворцы – хотя и не сахар, но не такие жестокие. От наших трудностей скорее выдохнешься, нежели рассвирепеешь. Зато местные жители не понаслышке знакомы с горьким страданием и отчаянием. Президент Сноу прав. Достаточно искры, чтобы вспыхнуло пламя.

Все произошло так быстро, что в голове не укладывается. Предупреждение, выстрелы, осознание, что я нечаянно пробудила от сна нечто грозное и великое. До сих пор не могу поверить. Боже, как вообще я могла натворить столько бед?

– Идем, – зовет Хеймитч. – Нас будут ждать к ужину.

Я долго-долго стою под душем – покуда не появляется команда подготовки. Помощникам Цинны явно нет никакого дела до нынешних событий. Только и разговоров, что о грядущем вечере. Это в дистриктах они – важные люди, которых могут позвать на торжественный ужин, а в Капитолии с подобными приглашениями наверняка негусто. Троица наперебой тараторит, обсуждая меню, а перед моими глазами – старик, у которого от выстрела разлетается голова. Уже перед выходом, в зеркале, я замечаю, как надо мной поработали. Бледно-розовое платье без бретелек, до самого пола. Волосы убраны от лица, ниспадают на спину каскадом пружинистых завитков. Цинна подходит сзади, набрасывает на плечи мерцающую серебристую шаль – и ловит взгляд моего отражения.

– Нравится?

– Очень красиво. Как всегда, – отвечаю я.

– Давай проверим, как это будет смотреться с улыбкой, – вполголоса предлагает он. Действительно, через минуту нас ожидают яркие вспышки и телекамеры. Заставляю себя приподнять уголки губ. – Вперед.

Мы собираемся всей компанией в коридоре, чтобы вместе спуститься. Эффи явно не в духе. Не может быть, чтобы Хеймитч ей рассказал обо всем, что случилось на площади. Не удивлюсь, если в курсе Цинна и Порция, но Эффи? Ее по негласному соглашению не посвящают в дурные новости. Впрочем, ведущая не заставляет нас долго гадать.

– Какое счастье, – сердито цедит она, пробежав глазами свое расписание. – Скоро мы сядем на поезд – и прощай, Дистрикт номер одиннадцать!

– Что-то не так, Эффи? – спрашивает Цинна.

– Не понимаю, почему с нами так обращаются. Запихнули в фургон, притащили сюда... И потом: час назад я хотела прогуляться вокруг дворца, осмотреться. Я ведь немного смыслю в архитектуре, если вы не в курсе...

– Да-да, я слышала, – говорит Порция, не дожидаясь, пока молчание слишком затянется.

– Так вот, в этом году развалины дистриктов – самый последний писк моды. Не успела я высунуть нос, как появились трое рассерженных миротворцев и чуть не взашей прогнали меня обратно. Один даже дулом в спину толкнул! – восклицает Эффи.

Ого. Это наверняка из-за нашего с Питом и Хеймитчем исчезновения. По крайней мере, ментор, похоже, был прав, и никто не прослушивал пыльный купол, пока мы беседовали. Теперь-то, думаю, спохватились, да поздно.

У Эффи такой расстроенный вид, что я невольно ее обнимаю.

– Ужасно, правда? Может быть, нам не спускаться к ужину? Сначала пускай принесут извинения.

Знаю, она нипочем не пойдет на такое; зато мое предложение звучит, словно признание справедливости ее жалоб. Эффи на глазах расцветает.

– Ничего, я справлюсь. Такая у нас работа – взлеты, падения. Не стоит из-за меня вам обоим лишаться ужина. Но все равно спасибо, Китнисс.

И как ни в чем не бывало принимается разъяснять, в каком порядке положено заходить в зал. Сначала – команда подготовки, потом она сама, стилисты, Хеймитч. Мы с Питом, само собой, замыкаем шествие.

Где-то внизу начинают играть музыканты, и мы приближаемся к лестнице. Пит берет меня за руку.

– Хеймитч говорит, что я зря на тебя наорал. Ты просто выполняла его указания. Можно подумать, я сам никогда ничего не скрывал от тебя.

Вспоминаю, как я разозлилась, услышав, как Пит ни с того ни с сего объясняется мне в любви перед всем Панемом. Ментор предвидел мое потрясение – и не обмолвился ни словечком.

– Кажется, я тогда тоже что-то разбила, после того интервью.

– Да, вазон.

– И порезала твои руки. Похоже, нет смысла хранить друг от друга секреты, верно?

– Смысла – никакого, – соглашается Пит. Мы стоим на вершине лестницы, ждем. Эффи учила, что Хеймитч должен опередить нас на пятнадцать шагов. – А ты действительно только раз целовалась с Гейлом?

От изумления у меня вылетает ответ:

– Конечно.

Неужели после всего, что сегодня случилось, его волнуют такие подробности?

– Пятнадцать, – считает Пит. – Пора.

Нас озаряют яркие вспышки. Я вторю им ослепительной улыбкой.

Мы попадаем в мутный водоворот однообразных ужинов, церемоний, поездок в купе. Каждый день – такой же, как прежний. Просыпаемся. Нас одевают. Выступление перед ликующей толпой. В нашу честь произносят речи. Мы отвечаем заученными словами, не прибавляя ни запятой от себя. Иногда нас провозят по городу: там краем глаза увидишь озеро, тут – хмурый лес, безобразные фабрики, пшеничные поля, дымящие трубы очистительных заводов. Переодеваемся в вечерние наряды. Спускаемся к ужину. И снова в поезд.

Во время церемоний мы храним почтительные и торжественные выражения на лицах, однако ни разу не расстаемся, не расцепляем рук. На ужинах ведем себя, точно вконец обезумели от страсти: танцуем, целуемся, то и дело кокетливо пытаемся улизнуть от камер, чтобы остаться наедине. В поезде – шепотом подводим мучительные итоги: хорошо ли у нас получилось.

Но и без наших опасных речей (стоит ли упоминать, что выступление перед жителями Одиннадцатого дистрикта показали по телевизору в сильно урезанном варианте?) в воздухе словно витает нечто такое... Словно закрытый котел закипел и готов взорваться. Правда, кое-где зрители скорее напоминают усталый, замученный скот: с такими лицами в нашем дистрикте обычно встречали тур победителей. Зато номер восемь, четыре, три – там люди при виде нас чуть не захлебываются от возбуждения, сквозь которое явственно проступает злость. Когда они кричат мое имя, мне слышится не восторг, а призыв к мести. А когда миротворцы пытаются усмирить разошедшуюся толпу – та не сдается сразу, пытается дать отпор. Видимо, я уже ничего не смогу изменить. Самые убедительные спектакли не повернут эту реку вспять. Если ягоды на моей ладони – всего лишь знак помешательства, жители дистриктов готовы тоже сойти с ума.

Цинне приходится ушивать мои платья в талии. Команда подготовки сетует на круги у меня под глазами. Эффи советует принимать снотворное, однако оно не действует. Вернее, почти не действует. Едва отключившись, я погружаюсь в мир новых и новых кошмаров, более ярких и сильных, чем раньше. Однажды Пит, который ночами бесцельно бродит по поезду, слышит крики из моего купе: опять я пытаюсь вырваться из мутной наркотической пелены, искусственно продляющей страшные грезы. Ему удастся меня разбудить и слегка успокоить.

Пит забирается под одеяло, мы прижимаемся друг к другу и засыпаем. Наутро я возвращаю Эффи ее таблетки. Но каждую ночь пускаю Пита к себе в постель, и мы отгоняем тьму, как тогда, на арене: сплетаем наши тела и руки в объятиях, оберегая друг друга от всех опасностей, которые могут настигнуть в любую минуту. Больше ничего не происходит, но вскоре в поезде о нас начинают сплетничать.

В ответ на упреки Эффи я думаю: «Хорошо. Может, слухи дойдут и до президента Сноу?» А вслух обещаю вести себя благоразумнее. Вот только выполнять обещание не собираюсь.

Особенно страшно в дистриктах номер два и номер один. Катон и Мирта вернулись бы целыми и невредимыми, не победи мы с Питом. Диадема и мальчик из Первого были убиты моими руками. Старательно избегая взглядов их родных, я вдруг выясняю: того паренька звали Марвел. Почему я не знала раньше? Наверное, перед Голодными играми было не до того, а потом – тем более.

Ко времени возвращения в Капитолий мы впадаем в отчаяние. Кто-кто, а уж тамошние жители бунтовать не станут. Их имена никогда не стояли на лотерейных тессерах, их детям не придется умирать за преступления, якобы совершенные предками несколько поколений тому назад. В Капитолии все и так верят в нашу с Питом святую любовь, но еще остается слабая надежда: убедить сомневающихся из дистриктов. Кажется, что мы ни сделай – будет или чересчур мало, или слишком поздно.

Вернувшись в Тренировочный центр, я сама предлагаю Питу прилюдно попросить моей руки. Он соглашается, однако потом запирается у себя на долгое время. Хеймитч советует оставить его в покое. Я удивляюсь:

– Он сам этого хотел!

– Да, но не в виде фарса, – говорит ментор. – Он мечтал, чтобы все было по-настоящему.

Я ухожу к себе и долго лежу под одеялами, пытаюсь не думать о Гейле – и думая лишь о нем.

Вечером, выйдя на сцену возле Тренировочного центра, мы отвечаем на кучу разных вопросов. Цезарь Фликермен в мерцающем костюме цвета полнотного неба, с волосами, губами и веками зеленовато-голубоватого цвета, блестяще ведет интервью. Когда он заводит речь о будущем, Пит опускается на колени, изливает передо мной свою душу и умоляет стать его женой. Разумеется, я согласна. Цезарь вопит от радости, публика беснуется, нам показывают крупные кадры со всех концов страны: везде иступленное ликование.

Неожиданно приходит сам президент. Он поздравляет нас, дружески хлопает жениха по плечу, обнимает меня и порывисто чмокает в щеку. Опять эти запахи – кровь и розы. Когда Сноу с улыбкой уже отстраняется, впившись ногтями мне в руку, я собираюсь с духом и поднимаю брови. Это немой вопрос, который не смеют вымолвить губы: «Я отдала вам все, играла по правилам, обещала выйти за Пита. Я справилась? Вы довольны?»

В ответ он почти незаметно покачивает головой из стороны в сторону.

6

Этим слабым движением Сноу рушит мои надежды. В нем – начало уничтожения дорогого мне мира. Не представляю, каким будет наказание. Знаю одно: потом уже ничего не останется. Неудивительно, если сейчас я впаду в беспросветную тоску. Но вот что странно. Вдруг накатывает волна облегчения. Это конец, можно выходить из игры. Самое громкое «нет» – лучше томления в неизвестности. Раз уж отчаянные времена требуют отчаянных действий, значит, мне теперь дозволено все.

Только не здесь, не сейчас. Главное – благополучно вернуться в Двенадцатый дистрикт, потому что моя задумка включает и маму, и Прим, и Гейла с его родными. И Пита, если он согласится бежать. Хеймитчу тоже находится место в списке. Мы скроемся вместе в лесах. Не знаю, как мне удастся всех убедить, куда мы отправимся среди лютой зимы, как уйдем от преследователей. На эти вопросы я еще не нашла ответа. Зато хотя бы наметила цель.

Вместо того чтобы рухнуть на сцену и зарыдать, я расправляю плечи и улыбаюсь, почти как безумная, впервые за много недель – от всего сердца. А когда президент, сделав публике знак замолчать, предлагает:

– А не сыграть ли нам свадьбу здесь, в Капитолии? – я без подсказки визжу, словно готова свихнуться от радости.

Цезарь Фликермен интересуется точными сроками.

– Ну, прежде чем назначать дату, нужно сперва побеседовать с мамой Китнисс, – отвечает Сноу и под оглушительный хохот зрителей обнимает меня за плечи. – Может быть, если вся страна пожелает, мы поженим вас до наступления тридцатилетнего возраста.

– О, тогда вам придется менять законы, – хихикаю я.

– Надо будет – изменим, – заговорщически подмигивает он.

С ума сойти, как весело.

Вечер, который устроили ради нас в банкетном зале, в личном особняке президента, совершенно бесподобен. Потолок на высоте сорок футов преобразился в звездное небо, точно такое же, как у нас дома. Возможно, над Капитолием тоже ночами раскидывается восхитительный купол – да кто его видит? Город пылает сотнями тысяч огней, за ними не разглядеть ни единой звезды. Примерно посередине между полом и потолком, стоя будто бы на мягких белых облаках, парят музыканты. Вместо традиционных столиков – бесчисленные диваны и кресла: некоторые расположены возле каминов, другие почти утопают в благоухающих цветах, из третих видны искусственные озера, полные экзотических рыбок. Отдыхай, веселись, делай все что душа пожелает. Участок в центре комнаты выложен плиткой. Здесь танцуют, здесь выступают артисты, здесь можно просто смешаться с пестрой толпой гостей.

Но настоящий гвоздь вечера – это еда. Чего только нет на столах, выстроившихся вдоль стен! Все, о чем можно мечтать, и о чем даже не мечталось. На вертелах подрумяниваются коровьи, свиные и козьи туши. На огромных тарелках теснятся дичь с начинкой из ароматных орехов и спелых фруктов. Обитатели океана переливаются под готовыми соусами, либо так и просятся в хрустальные миски с душистой приправой. Я уж не говорю о несметных видах хлеба, сыров, овощей, сладостей, водопадах вина и потоках других напитков, загадочно мерцающих бликами пламени.

Вместе с решимостью возрождается и мой аппетит. Неделями не могла смотреть на еду из-за треволнений – а тут вдруг словно с цепи сорвалась.

– Хочу перепробовать все, что нам подали, – заявляю я Питу.

Он пытается по глазам понять причину моего удивительного преображения. Питу еще неизвестно, что, по мнению президента, мы провалились. Должно быть, он думает: наоборот, все в порядке. Или даже, чем черт не шутит, воображает, будто я по-настоящему рада

помолвке. По его лицу пробегает легкая тень изумления, но лишь на краткий миг, ведь на нас направлены камеры.

– Тогда лучше поспеши, – советует он.

– Ладно, кусну от каждого блюда – и хватит, – решаюсь я.

Решимость иссякает уже за первым столом, на котором стоит не то двадцать, не то целых тридцать видов супа, когда мне попадается сливочно-тыквенное пюре, посыпанное дробленым орехом и крошечными черными семенами.

– Всю ночь бы ела и ела! – вырывается у меня.

Во второй раз я «ломаюсь» на прозрачном зеленоватом бульоне, вкус которого могу описать одним словом: весна! В третий – на пенистом розовом супчике с ягодами малины.

Мелькают лица, щелкают вспышками камеры... Моя брошь с пересмешницей, кажется, сделалась пискom моды. Несколько человек уже подходили ко мне похвастаться модным приобретением. Сойка выбита на сияющих пряжках, вышита шелком на лацканах пиджаков; кое-кто даже сделал татуировку на неприличных местах. Всем по душе талисман победителя. Представляю, как бесится президент Сноу, а что поделаешь? Голодные игры произвели настоящий фурор в этом мире, где горсть ядовитых ягод – всего лишь жест неразумной девчонки, отчаявшейся спасти возлюбленного.

Мы с Питом не ищем новых знакомств, однако за нами тут беспрестанно охотятся. Без нас и вечер – не вечер. Я напускаю на себя восторженный вид, хотя здешние жители мне глубоко безразличны. Они лишь отвлекают от угощения.

Каждый стол – уйма соблазнов, и даже при твердой решимости «только разочек попробовать» вскоре у меня начинает округляться животик. Откусываю от маленькой жареной птички. На язык брызжет апельсиновый соус. Вкуснятина. Бедный Пит доедает за мной: не бросать же начатые куски, как делают прочие. Для нас это – верх кощунства. У десятого стола я сдаюсь, не попробовав даже малой части предложенных блюд.

И тут меня настигает команда подготовки. Все трое шатаются от выпитого вина и от восторга, что их позвали на столь грандиозное событие.

– Вы почему не едите? – спрашивает Октавия.

– Ели, но больше уже не можем, – говорю я, и команда прыскает со смеху, словно ничего глупее не слышала.

– Чепуха! – провозглашает Флавий и подводит нас к столику с рюмками, в которых плещется прозрачная жидкость. – Плесните в рот – и дело с концом!

Пит поднимает рюмку, хочет выпить, но тут на него набрасываются.

– Не здесь! – верещит Октавия.

– Отойдите лучше туда, – советует Вения, тыча пальцем в сторону туалетов. – А не то все окажется на полу!

Пит смотрит на рюмку и туго соображает.

– Хотите сказать, это рвотное?

Команда заходится в хохоте.

– А как же, иначе все давно перестали бы есть, – объясняет сквозь смех Октавия. – Я, например, уже дважды прочистилась. Иначе и праздник не в радость.

Онемев, я смотрю на красивые рюмки с их содержимым. Пит опускает свою на место, причем с такой злостью, что та чуть не разбивается.

– Давай лучше потанцуем, Китнисс.

Мелодии льются на нас с облаков. Пит уводит меня подальше от этой троицы и злополучного стола, на танцпол. В Двенадцатом дистрикте танцы свои, под скрипку и флейты, для них нужно много пространства. А здешние – можно исполнить на блюде для десерта. Эффи успела нас кое-чему научить. Музыка плавная, замедленная, словно во сне. Пит обнимает меня,

и мы кружимся, не соблюдая такта. Сначала просто молчим. Затем Пит произносит сдавленным голосом:

– Только немного свыкнешься, только подумаешь: все не так уж плохо – и *на* тебе...

Он осекается на полуслове. А у меня перед глазами встают изможденные тела ребятишек, лежащие на кухонном столе, пока мама прописывает родителям лекарство, которого им не добыть. Пищу. Теперь, когда мы богаты, она всегда заворачивает им с собой хоть немного еды. Но было время, когда она ничего не могла сделать, да и ребеночка приносили слишком поздно. А здесь, в Капитолии, люди блюют ради удовольствия вновь и вновь набить свои животы. Не потому что больны, не потому что еда испорчена. Просто все так делают. Иначе и праздник не в радость.

Однажды я заскочила к Хейзел отдать добычу; маленький Вик в тот день оставался дома, он мучился страшным кашлем. Семья Гейла питается лучше, нежели девяносто процентов населения нашего дистрикта. И все же мальчик битых пятнадцать минут рассказывал мне, как в День пакетов открыли банку с кленовым сиропом и каждому досталось по ложечке – намазать на хлеб, а может, и еще дадут до конца недели; как мама позволила ему капнуть немного сиропа в чай, чтобы смягчился кашель, но Вик не хотел соглашаться, пока остальные тоже не попробовали... Если так живет семья Гейла, что же творится в других домах?

– Пит, они привезли нас бороться насмерть потехи ради, – говорю я. – По сравнению с этим все прочее...

– Понимаю. Конечно. Просто бывает, что... ну, не могу терпеть. Так бы взял и... не знаю, что сделал. – Он замирает, а потом шепчет: – Наверное, мы были неправы, Китнисс.

– Насчет чего? – отзываюсь я.

– Когда пытались утихомирить дистрикты.

Мой взгляд молниеносно мечется из стороны в сторону. Кажется, никто ничего не слышал. Телевизионщики мирно припарковались у стола с моллюсками, а парочки, танцующие вокруг, либо слишком пьяны, либо слишком поглощены беседой, чтобы обращать на кого-то внимание.

– Извини, – произносит Пит.

Еще бы не извиняться. Самое подходящее место для подобных высказываний.

– Дома поговорим, – обещаю я.

Тут появляется Порция, чтобы представить нас дородному человеку, смутно мне знакомому. Это Плутарх Хевенсби, новый главный распорядитель Голодных игр. Мужчина спрашивает, можно ли похитить меня на один танец. Пит уже снова готов предстать перед камерами и благодушно дает разрешение: «Только на один!»

Мне вовсе не хочется танцевать с Плутархом Хевенсби. Чувствовать его правую руку в моей, а левую – на бедре. Я вообще не привыкла к прикосновениям, если не считать родных и Пита. Тем более распорядители Голодных игр в моем понимании – мерзкие твари, хуже слизней. Похоже, он чувствует мой настрой и во время танца держится на расстоянии вытянутой руки.

Мы мило щебечем о вечере, о развлечениях, о еде, потом он отпускает непонятную шутку: дескать, после моего индивидуального показа пунш ему больше не по вкусу. До меня не сразу доходит, что это – тот самый мужчина, оступившийся и усевшийся в чашу, когда я со злости пустила стрелу в распорядителей. Ну, не совсем в них. Я выбила яблоко изо рта поросенка на их столе. Однако все от неожиданности подскочили.

– Ах, это вы... – смеюсь я, вспомнив, как расплескался пунш под его пятой точкой.

– Да. Можете радоваться: у меня до сих пор поджилки трясутся. Так и не оправился.

Хочу напомнить ему, что двадцать два мертвых трибута тоже не смогут оправиться после игры, которую он помогал создавать, но только улыбаюсь:

– Хорошо. Значит, в этом году вы – главный распорядитель? Большая честь.

– Между нами говоря, желающих было немного, – подмигивает он. – Учитывая новые объемы ответственности...

«Ах да, его предшественника казнили», – спохватываюсь я. Плутарх не может не знать об участии Сенеки.

– Уже готовитесь к новой Квартальной бойне? – осведомляюсь я.

– Да-да. Впрочем, ее готовят много лет, ведь арена возводится не за сутки. Но, скажем так, изюминка Игр изобретается именно сейчас. Хотите верьте, хотите нет, стратегическое совещание состоится сегодня ночью. – Отступив на шаг, мой партнер достает из кармана жилетки часы на цепочке и откидывает золотую крышку. – Скоро пора уходить. Совещание начинается в полночь.

– Поздноато для... – начинаю я и вдруг отвлекаюсь.

Повернув часы циферблатом ко мне, мужчина обводит их большим пальцем, и на хрустале на миг загорается образ, будто озаренный свечой. Еще одна пересмешница. Точь-в-точь, как на моей броши. Картинка сразу же исчезает, и Хевенсби захлопывает крышку.

– Как мило, – произношу я.

– Не просто мило. Вещица уникальная... Если меня будут спрашивать, скажите: пошел домой отсыпаться. Совещания идут под большим секретом. Просто мне показалось, что вам-таки можно довериться.

– Конечно. Молчу как могила.

Пожимая мне на прощание руку, он, по обычаю капитолийцев, легко наклоняет голову.

– Что же, увидимся летом на Играх, Китнисс. Поздравляю с помолвкой, и удачи вам с мамой.

– Да, без удачи не обойтись, – вырывается у меня.

Плутарх исчезает, и я бреду сквозь толпу в поисках Пита. Чужие люди то и дело подходят меня поздравить – с помолвкой, с победой на Играх, с удачным выбором помады. Я отвечаю, а в голове крутится одно: зачем Хевенсби похвастал своими часами? В его жесте было что-то необычное, почти таинственное. С чего бы? Наверное, главный распорядитель боится, как бы кто-нибудь не украл его замечательную идею – наложить исчезающую картинку с птицей на циферблат. Точно: небось, отвалил за нее целое состояние, вот и трясется от страха, не желая, чтобы завтра весь рынок заполнили дешевые подделки.

Я нахожу Пита возле стола с затейливыми пирожными. Он успел нарочно позвать сюда пекарей, чтобы выведать их секреты. Мастера отталкивают друг друга, торопясь отвечать на расспросы насчет глазури и прочего. Они даже собирают ему в обратный путь коробку с крошечными пирожными разных сортов, чтобы было что изучить спокойно дома, по возвращении.

– Эффи сказала, что к часу нам нужно быть в поезде, – говорит Пит. – А теперь?..

– Почти полночь, – отвечаю я.

И, беспцеремонно сорвав шоколадный цветок с верхушки печенья, грызу лепестки.

– Настало время поблагодарить всех и попрощаться! – словно по нотам выводит Эффи, возникшая неизвестно откуда прямо под боком.

Редкий случай: в эту минуту я влюблена в ее маниакальную пунктуальность. Подобрав у каких-то столиков Цинну и Порцию, Эффи ведет нас по залу, чтобы пожать руки самым важным персонам, и начинает подталкивать к выходу.

– Разве мы не должны попрощаться с хозяином? – спохватывается Пит.

– Ему не до вечеринок, и без того уйма дел, – отмахивается провожатая. – Завтра от нашего имени придут благодарственные подарки с карточками, я позаботилась... А, вот вы где! – кричит Эффи и машет парням из obsługi, буквально взвалившим Хеймитча на свои плечи.

Мы едем по улицам Капитолия в автомобиле с тонированными стеклами, позади – машина с командой подготовки. Пробираться сквозь празднующие толпы – задача не из про-

стых, но наша волшебница учла абсолютно все; ровно в час мы на месте, и поезд отходит от станции.

Хеймитч заперся у себя. Цинна заказывает всем чай, и мы рассаживаемся вокруг стола. Эффи безудержно тархтит о своем расписании, напоминая, что тур победителей не закончен.

– Впереди еще фестиваль Жатвы в Двенадцатом дистрикте. Предлагаю выпить чайку – и всем спать.

Никто не возражает.

Открыв глаза, я понимаю, что близится полдень. Моя голова покоится на руке Пита. Не помню, как он пришел прошлой ночью. Поворачиваюсь осторожно, чтобы не разбудить его. Оказывается, он уже проснулся.

– Ни одного кошмара, – говорит Пит.

– Что? – не понимаю я.

– Ты всю ночь проспала без кошмаров.

И верно. Интересно, когда такое случилось в последний раз?

– Мне что-то снилось, только не страшное, – вспоминаю я. – Вроде бы пересмешница, а на самом деле – Рута. То есть сойка пела ее голосом. А я шла следом по лесу, долго-предолго.

– Куда же она тебя звала? – спрашивает Пит, убирая с моего лба растрепанные волосы.

– Не знаю, – вздыхаю я. – Мы не дошли до места. Но мне было хорошо.

– Да, у тебя был счастливый вид.

– Слушай, а почему я не чувствую, когда ты видишь плохие сны?

– Трудно сказать. Кажется, я не мечусь и не вскрикиваю. Наоборот, просыпаюсь – и словно цепенею от ужаса.

– Будил бы меня, – говорю я, вспомнив, как сама тормошила его дважды, а то и трижды за ночь. И как долго ему приходилось меня успокаивать.

– Зачем? – возражает Пит. – Чаще всего я вижу, что потерял тебя. Открываю глаза – ты рядом, и все хорошо.

В этом он весь. Обронит фразочку мимоходом – словно кинжал в живот всадит. Парень просто ответил на мой же вопрос. Не потребовал ничего взамен, никаких уверений в любви. А на душе отчего-то гадко – словно я использовала человека самым грубым и отвратительным образом. Так ли? Не знаю. Зато мне впервые кажется неприличным лежать с ним в одной постели. Именно сейчас, когда мы помолвлены. Смешно...

– Не представляю, как дома я буду спать один, – вздыхает Пит.

И правда, мы почти приехали.

Сегодня вечером нас ожидает ужин в особняке у мэра Андерси, а завтра – торжественный проезд по главной площади в честь праздника Жатвы. В нашем дистрикте его отмечали всегда, но только в домашнем кругу и, если могли себе позволить, с друзьями. В этом году предстоят публичные торжества за счет Капитолия, так что жители наедятся от пуза.

К выходу из вагонов нас почти не готовят: на улице холодно, пора опять закутываться в меха. На вокзале, успев только поулыбаться и помахать руками, мы погружаемся в автомобиль и едем к мэру. Родных нам позволят увидеть не раньше вечера.

Хорошо еще, пир устраивают у мэра, а не в Доме правосудия – там, где поминали отца, где после Жатвы я пережила душераздирающее прощание с близкими. Дом правосудия полон горькой печали.

А вот особняк Андерси мне по душе. К тому же с его дочерью мы стали подругами. Может, и раньше были, но после того, как она пришла проводить меня на Голодные игры, я научилась воспринимать нашу дружбу всерьез. Именно Мадж приколотла мне золотую брошку на счастье. По возвращении я начала проводить с Мадж куда больше времени. Как выяснилось, дочери мэра тоже нечем заполнить долгие дни. Поначалу было даже неловко. Девчонки

нашего возраста болтают о мальчиках, тряпках и о других девчонках, но мы – не сплетницы, а разговор об одежде вызывает у меня страшную зевоту. После нескольких неудачных попыток совместно развлечься я догадалась: подружке безумно хочется в лес. Мы выбирались туда не единожды. Я показала ей, как нужно стрелять. Мадж пытается научить меня игре на пианино; впрочем, я предпочитаю слушать ее игру. Время от времени мы ходим друг к другу в гости. Мадж больше нравится у меня. Ее родители – вроде бы симпатичные люди, но сомневаюсь, чтобы она частенько с ними общалась. Отцу нужно управлять Двенадцатым дистриктом, а мать иногда неделями не покидает постель из-за страшных мигреней.

– Вот бы свозить ее в Капитолий, – предложила я однажды, когда мы не стали играть, поскольку и через два этажа музыка причиняла боль этой несчастной женщине. – Там выечат, глазом моргнуть не успеешь.

– Ты права, – грустно вздохнула Мадж. – Но в Капитолии нечего делать без специального приглашения.

Получается, и мэры могут не все.

Прибыв на место, Эффи не позволяет мне даже как следует обняться с подругой, а сразу тащит на четвертый этаж – готовиться. Накрашенная, причесанная, в серебряном одеянии с длинными рукавами, за час до ужина я ускользаю из-под надзора. Комната Мадж расположена этажом ниже, рядом с комнатами для гостей и кабинетом отца. По пути я просовываю голову к нему в дверь, чтобы поздороваться. Мэр куда-то ушел, но телевизор продолжает жужжать, и я задерживаюсь на пороге. Опять мы с Питом. Крупные планы: вот мы едим, танцуем, целуемся. Сейчас это видят в каждом доме по всей стране. Любопытно, Панем еще не тошнит от этих сладеньких голубков из Двенадцатого? Меня бы давно затощило.

Собираюсь уйти, но тут раздается писк, и я поворачиваюсь к телевизору. На почерневшем экране вспыхивают слова: «ДИСТРИКТ НОМЕР ВОСЕМЬ: ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ». Внутренний голос подсказывает: это не для моих глаз, это только для мэра. Надо бежать, и как можно скорее. Но я остаюсь, даже делаю шаг вперед.

Появляется репортер, которого я никогда не видела, – женщина с волосами, тронутыми сединой, и властным надтреснутым голосом. Она сообщает, что ситуация ухудшается, что в Дистрикте номер восемь объявлена тревога третьего уровня. Текстильная промышленность полностью остановлена. К месту событий стягивают дополнительные войска.

Щелк! – на экране высвечиваются кадры с главной площади. Я знаю, потому что была там всего лишь неделю назад. На крышах еще развешаны флаги с моими портретами. А внизу бушует яростная толпа. Нацепив самодельные маски, люди с выкриками бросают куда-то камни и кирпичи. Пылают здания. Миротворцы палят без разбора, сея черную смерть.

Впервые в жизни вижу такую ужасную сцену. Так вот что имел в виду президент, когда говорил о восстании.

7

Кожаная сумка с едой и фляга с горячим чаем. Оставленные Цинной перчатки на меху. Три голые ветки лежат на снегу – указывают, в каком направлении меня нужно искать. Гейл все поймет, когда явится на обычное место встречи. Сегодня первое воскресенье после фестиваля Жатвы, и у меня к нему есть разговор.

Я долго бреду по лесу сквозь холодную мглу тумана. Гейл не знает этой тропинки, зато меня ноги сами несут вперед, к заветному озеру. Старое место больше не вызывает доверия. А ведь мне предстоит излить перед Гейлом душу. Он должен узнать... должен помочь мне разобраться...

Потрясенная новостями из Дистрикта номер восемь, я выскочила за дверь и бросилась по коридору. Еле успела: мэр как раз выходил на лестницу. Я помахала ему рукой.

– Ищешь Мадж? – дружелюбно осведомился он.

– Да. Хочу похвастаться платьем.

– Ну, ты знаешь, где ее найти...

Тут из кабинета снова донесся слабый писк. Мэр помрачнел.

– Прошу прощения, – бросил он и, хлопнув дверью, скрылся в кабинете.

Я постояла, чтобы немного собраться с духом. Сама себе лишняя раз напомнила, что должна держаться естественно. А потом направилась к Мадж. Подружка сидела за туалетным столиком и расчесывала перед зеркалом золотые волны волос. На ней было то же прелестное белое платье, что и тогда, в день Жатвы. Увидев мое отражение, девушка улыбнулась.

– Смотрите-ка, настоящая капитолийская дама.

Я подошла чуть ближе. Коснулась пальцами птицы у себя на груди.

– Да уж, вплоть до брошки. Благодаря тебе сойки-пересмешницы стали последним писком столичной моды. Хочешь, верну?

– Не глупи, подарки не возвращают, – ответила Мадж, повязывая волосы праздничной золотой лентой.

– Кстати, откуда она у тебя? – спросила я.

– Это теткино украшение. Вроде бы очень древнее.

– Странно, почему именно сойка? – вслух подумала я. – То есть после всего, что случилось во время бунта, что натворили говоруны...

Сойки-говоруны – это переродки, генетически измененные птицы, специально выведенные учеными Капитолия, чтобы шпионить за лагерями повстанцев. Эти создания умели запоминать большие отрывки речи, а потом повторяли каждое слово в столичных лабораториях. Разгадав секрет, мятежники стали кормить соек такой небывальщиной, что Капитолий остался с носом. Ожидалось, что ставшие бесполезными птицы (а среди них были только самцы) вымрут сами по себе, однако те быстро научились спариваться с пересмешницами, и возник совершенно новый вид.

– Сойки-пересмешницы – не оружие, – возразила Мадж. – Это же просто певчие птички, правильно?

– Ага, наверное, – обронила я, но мысленно не согласилась.

Может быть, это и певчие птички – зато они существуют на свете вопреки желанию Капитолия. Никто не ждал, что послушным тварям хватит ума приспособиться к дикой природе, изменить генетический код, размножиться и создать новый вид. Ученые недооценили их волю к жизни.

Шагая по глубокому снегу, я слушаю, как пересмешницы скачут по веткам, подхватывают чужие песни, повторяют их и преображают во что-то свое. Как всегда, на память приходит

Рута. Ночью, во сне, я следовала за ней через лес. Жаль, что рано проснулась: вот бы увидеть, куда мы шли.

Да уж, далековато брести до озера. Если Гейл все-таки решит пойти за мной, то потратит уйму сил, которыегодились бы на охоте. На ужин у мэра он не явился, хотя там была вся его семья. Хейзел сказала: слег от какого-то недомогания, но разве она умеет врать? На фестивале Жатвы мы тоже не виделись. В тот день он отправился на охоту, по словам Вика. Вот это уже похоже на правду.

Спустя еще несколько часов туман раздвигается, и передо мной возникает обветшалый дом на берегу озера. Скорее даже не дом, а маленькая однокомнатная постройка. Отец говорил, когда-то их было множество: остатки фундаментов до сих пор видны. Люди приезжали сюда рыбачить и развлекаться. «Мой» дом – бетонный, поэтому пережил своих сородичей. Из четырех стеклянных окон цело лишь одно, только рама давно пожелтела и покосилась от времени. Водопровода и света нет и в помине, зато печка исправна. В углу вот уже много лет висит поленница. Я развожу небольшой огонек в надежде, что дым будет незаметен среди густой сероватой мглы. Слушая, как потрескивает маленькая печка, беру игрушечную метлу из веток (ее связал отец, когда мне было лет восемь) и выметаю сугробы, скопившиеся под пустыми оконными провалами. А потом сажусь у огня и жду Гейла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.